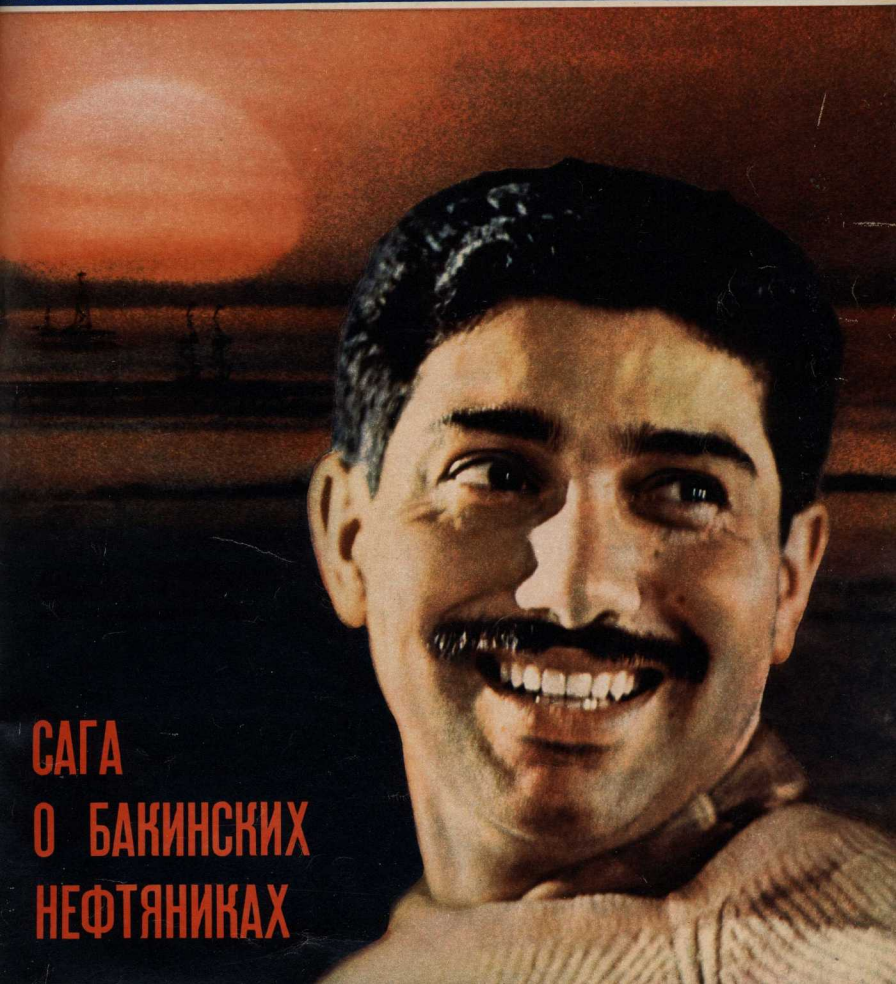

СМЕНА

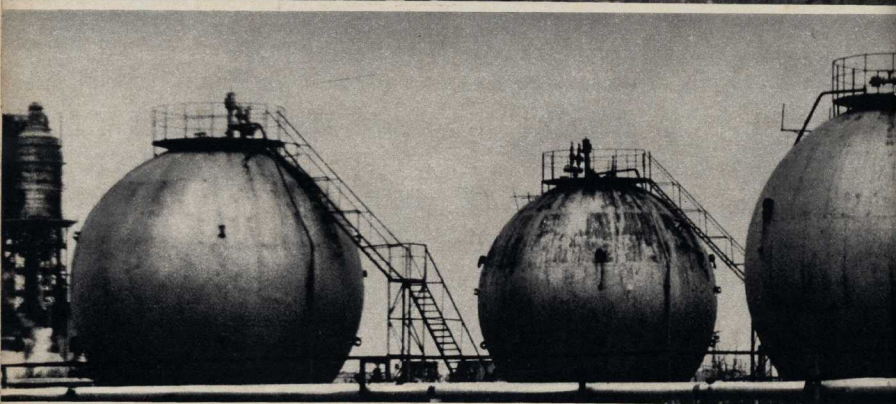
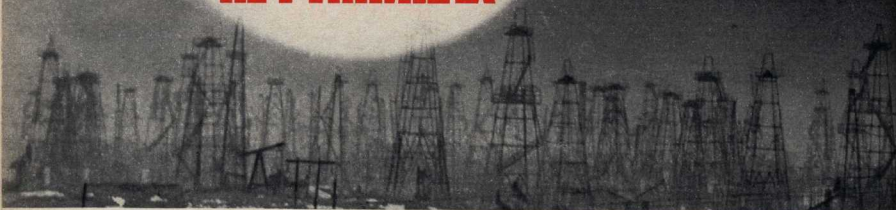
№ 16 АВГУСТ 1969

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

САГА
О БАКИНСКИХ
НЕФТЯНИКАХ

САГА О БАКИНСКИХ НЕФТЯНИКАХ

Горизонты Баку заштрихованы вышками, исчерчены контурами гигантских шаров, хранящих нефть. Всюду нефть и солнце.

**К 100-летию
Со дня
рождения**

**Ленин
и
современность**

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
ВЛКСМ

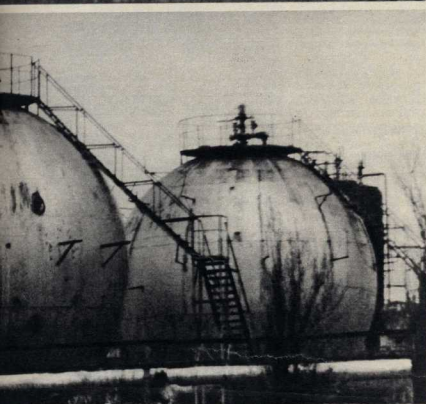
Основан в январе 1924 года
Выходит два раза в месяц

№ 16 [1014]

АВГУСТ
1969

Наша обложка: бакинский инженер-нефтяник Омар ОМАРОВ.

Фото Виктора САККА

1 «САГА О БАКИНСКИХ НЕФТЯНИКАХ». Серия материалов про молодую смену бакинских нефтяников, про то, как воплощают они в жизнь заветы великого Ленина.

16 «ЕЕ ДЕТИ». Рассказ Владимира ЦЫБИНА.

18 НАДО ЛИ СУДИТЬ СУДЕИ! Статья Аркадия ГАЛИНСКОГО о проблемах футбольного судейства.

24 «ВИЖУ НЕВИДИМОЕ». Репортаж Виктора ПОВКИНА из Института микроскопии.

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

«МАСТЕР СРЕДИ МАСТЕРОВ»,
ФОТОЧЕРК СЕРГЕЯ ПЕТРУХИНА
И ЮРИЯ РЫТОВА С «УРАЛМАША»

О РОЛИ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ РАССКАЖЕТ
В «КРУГОЗОРЕ СОВРЕМЕННОИКА»
АКАДЕМИК НИКОЛАЙ ИОСИФОВИЧ КОНРАД

КРАСОТА РОДНОЙ ЗЕМЛИ.
«ЗАПОВЕДНИК ПЕСТРЫХ ГОР»

Главный редактор А. Д. ГОЛУБЕВ

РЕДАКЦИОННАЯ: Г. М. Гусев, Е. А. Долгатовский, К. И. Зановский,
Р. Ф. Назиева, А. П. Кулешов, А. С. Лавров, А. А. Лиханов [ответственный секретарь], Е. И. Рабчиков, Г. В. Семенов, С. С. Смирнов,
А. Б. Стуков [главный художник]

Художник Г. Терзибашьянц

Технический редактор Н. Будкина

Мы живем в эпоху сбывающихся надежд. Траектория космической ракеты — для нас практический путь человеческой мысли. Сверхзвуковые скорости, сверхзвуковые машины — ничто не кажется удивительным в наше удивительное время. Все, что было далекой целью наших отцов, дано сегодня молодому челове-

ку. Дано не для праздного пользования — для творчества, для труда, для действия.

Время сбывающихся надежд — это время ответственности. В руки молодых отдано богатство — какими надежными, крепкими должны быть эти руки!

Сегодня мы рассказываем о тех, кто с честью несет эстафету отцов, — о молодых рабочих славного Баку.

Самоотверженным трудом своим умножают они многовековые добрые традиции бакинских нефтяников.

«Человек, первым нашедший нефть в Азербайджане, не подозревал, наверное, что открыл новую эпоху для своей земли. Нефть стала сырьем богатства и процветания Азербайджана. «Черное золото» возбудило алчность ближних и дальних соседей и служило причиной бесконечных грабительских войн.

Совсем новая история азербайджанской нефти начинается с 1920 года, когда Азревком издал декрет о национализации бакинской нефти и открыл братья Нобель крупнейшие владельцы концессий в Азербайджане, убрался восвояси.

Банкротом утешала надежда: Баку без помощи иностранного капитала не поднимется. Все сложнейшее добывающее и перерабатывающее нефть оборудование привозилось в Азербайджан из-за границы.

Все мы знаем, как безнадёжно ружули эти расчеты. И нашим читателям интересно будет узнать, что на знаменитых ныне во всем мире Нефтяных Камнях дала нефть в этом году сваянная-рекордсманка Бригада Стурда Джиэфар-заде, молодого мастера бурения, депутата Верховного Совета СССР, пробурила эту сваяжину, имеющую номер 1535, с отклонением 2 040 метров. Это мировой рекорд. Это работа изумительная, ювелирная по точности, требующая особого рабочего таланта и первоклассного оборудования. Так вот, все оборудование, которым пользовалась бригада Джиэфар-заде, до последней гайки было советского производства.

Эти два факта стоят в начале и почти в конце полувека советской бакинской нефти. Но сначала было дельце австралийско-немецкое, почти безнадёжно тяжёлое. Масштаб трудности возрастал оттого, что бакинскую нефть как можно скорее ждала нуждающаяся в борьбе с врагом Советская Россия.

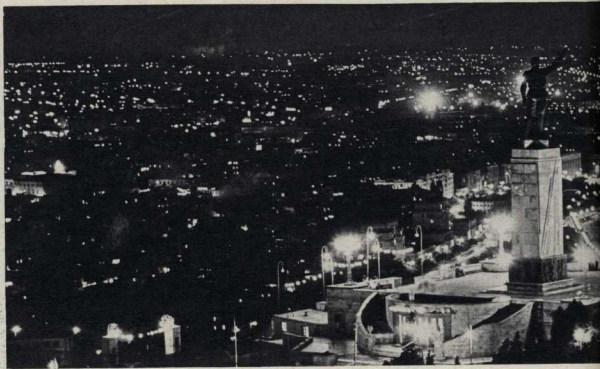
В это грозное время Ленину не раз обращал свой взгляд к Баку. 7 ноября 1922 года газета «Важинский рабочий» опубликовала телеграмму Ленину рабочим Баку:

«...Я только что вслушала краткий отчет тов. Серебровского о положении в Азнефти. Трудностей в этом положении очень не мало. Посылая Вам свой горячий привет, прошу Вас в ближайшее время предпринять всячески. Первое время нам особенно тяжело. Дальше будет легче. Победы мы должны добиться и добьемся во что бы то ни стало».

Ленин пристально следил за первыми шагами советской нефтяной промышленности в Азербайджане и писал с удовлетворением о огромном энтузиазме, который проявляют рабочие в Азербайджанской республике. Он успел убедиться, что «дело с нефтью идет хорошо», успел порадоваться первым уверенным успехам Баку, ставшего на долгие годы главным источником горючего для машин, тракторов, самолетов всей страны.

...Герои нашего рассказа — парни и девушки, составляющие сегодня гордость и надежду бакинской нефти, родились лет через двадцать после смерти Владимира Ильича.

И Ленину не видел грандиозного города над морем — Нефтяных Камней. Но Ленину предвидел и величие Нефтяных Камней и талантливость юности и девушек в рабочих спецодеждах. Он жил и действовал для них, мечтал об их счастье, и сегодняшний день бакинских нефтяников разгорается как осуществленная мысль вожда.

САГА О БАКИНСКИХ НЕФТЯНИКАХ

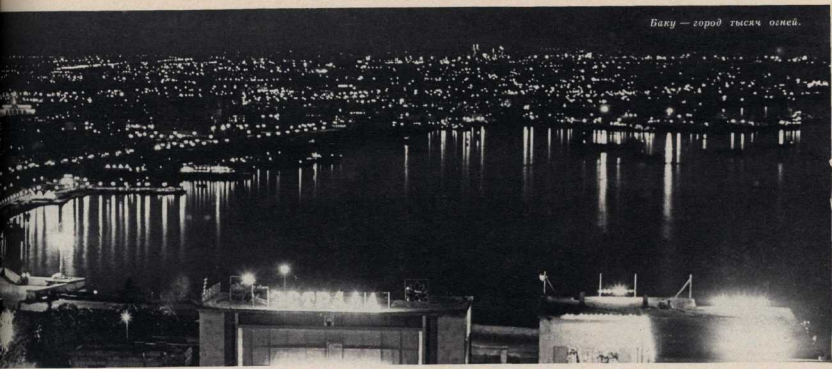

С успешным развитием тяжелой индустрии в том числе нефтяной промышленности, В. И. Ленину связывал надежды на светлое будущее нашей страны.

О прошлом, настоящем и будущем бакинской нефти рассказывает министр нефтедобывающей промышленности АЗССР Герой Социалистического Труда Бахтияр Мамедов

ПРОШЛОЕ НАСТОЯЩЕЕ БУДУЩЕЕ.

— КАКОВЫ НАИБОЛЕЕ ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ СОВРЕМЕННОЙ НЕФТНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ АЗЕРБАЙДЖАНА?

— Попробуйте для начала вспомнить Александра Македонского. Но именно ко временам этого древнего полководца относятся первые сведения о добыче нефти в Баку. У нас очень старые месторождения. Быть может, самые старые на планете, и это предельно много. Горючее масло значило, во выражении побывавшего у нас Марко Поло, вызвало изумление и восхищение людей. И еще... боялся того, что таинственный подземный источник иссякнет. Источник действительно ста иссякает. И тогда неизвестный нам человек совершил великое открытие — выкопал первый в мире нефтяной колодезь. И снова хлынула чудесное горючее масло. Еще основания считать, что первый колодезь был выкопан именно в районе Бабь-Эмбета, там, где создан промысел имени Ичма. Прошли века, и снова началось разговор об истощении недр в Бакинских промыслах. И опять человеческая мысль раскрывала новые источники нефти: в 1848 году инженером Горного ведомства Семеновым на том же Бабь-Эмбете была пробурена первая в мире нефтяная скважина. Разговоры об оскудении надолго затихли.

Вы спросили о наиболее характерных чертах сегодняшней нефтяной промышленности Азербайджана. Я бы сформулировал это так: новое наступление на скрытое богатство «черного золота».

Когда говорят об оскудении нефтяных запасов Бакинского района, добавляют обычно, что добычу все же необходимо продолжать, форсировать, потому что бакинская нефть — ценнейшая по своему составу, другой такой нет в стране. Это все верно. Но главное, по моему глубокому убеждению, заключается в том, что никакого оскудения нет вообще. Есть новый этап. Необходимо открывать новые, быть может, более крепко закрытые кладовые нефти.

Еще тысяч лет назад в стране и во всем мире были Нефтяные Камни — город нефтяников в открытом море. Но надо знать также, что Нефтяные Камни — это лишь самый первый шаг в освоении моря.

Острова Буяль, Дуванлий, Обвандий и другие крохотные кусочки суши раньше были известны только морякам, да и у тех имели самую скверную репутацию: вокруг них — мели, скалы, теснины. А сейчас там быстро растет младший брат Нефтяных Камней. Всего пять лет назад вышедшие разведчики на Буяль. Сегодня нефтепромышленное управление имени Нарыманова дает около трети продукции Нефтяных Камней.

Между прочим, несколько лет назад у нас побывал один из нефтяных королей Америки. Он позависал с морскими нефтяными промышленниками и сказал тогда: «Теперь, после вашего опыта строительства городов в море, мы убеждены в возможности создавать морские нефтяные промыслы. Техника у нас есть, денег тоже хватит. Мы можем купить самые передовые технические идеи, самые светлые мысли. Но я не знаю таких денег, которыми можно было бы откупиться от страха. У нас нет таких людей, как у вас, которые бесстрашно сражаются со стихией, добывая нефть среди разъяренных волн».

ВОТ В СВЯЗИ С ЭТИМ ХОЧЕТСЯ ЗАДАТЬ ВОПРОС О СОВРЕМЕННОМ НЕФТЯНИКЕ. СКААДЫВАЕТСЯ ВПЕЧАТЛЕНИЕ, ЧТО НА НАШИХ ГЛАЗАХ ВОЗНИКАЕТ СОВЕРШЕННО НОВАЯ ПРОФЕССИЯ — НЕФТЯНИК-МОРЯК. ТАК ЛИ ЭТО?

— Несомненно. И здесь особенно ярко вырисовываются основные черты нашего рабочего человека. Ведь в самом деле, капиталист, о котором я только что говорил, прав, только бесправен: смеяло людей могут успешно трудиться в этих крайне суровых и сложных условиях. Подумайте только: человечество тысячелетиями создавало и совершенствовало корабль, тысячелетиями оттачивало мастерство мореплавателя. Но жить и трудиться в море, на стальном основании буровой вышки, под ударами ураганов и огромных волн, под шипением ледяных полей, сражаться с нефтяными пожарами, когда вокруг лишь волны да раскаленная сталь, — на такое способны особенные люди. Мне выпала большая честь трудиться вместе с ветеранами морской нефтедобычи на Нефтяных Камнях, и я хорошо знаю этих людей. Из чего складывается характер сегодняшнего нефтяника-моряка?

Это, прежде всего, глубокое сознание, что дело, которым занят каждый из них, — его собственное, кровное, личное дело. Ну, в самом деле, что иное, как не это сознание, может заставить человека веками не уходить с морской вахты? Кто может заставить его преодолевать исключительные трудности? Что, кроме этого высокого сознания? Ответ — любовь. Мы, нефтяники, говорим, что у людей бывает так: человек любит свое дело, а после работы увлекается — один марками, другой охотой, третий спортом. Наше дело — это и любовь, и отдача, и увлечение. Не может этого, занимающийся таким героическим (и не побоюсь этого слова) трудом, не отдаваться ему целиком, без остатка!

Можно назвать еще чувство поколений, чувство традиции. Если вы, скажем, поедаете по промыслам, то всюду встретитесь с рабочими, у которых

и отец, и дед, и прадед были нефтедобытчиками. У нас есть великолепные рабочие династии. Для которых слово «нефть» и слово «жизнь» означают одно и то же. И это неслыханно, это замечательная преисправность не иссякает. На всех промыслах, на сложнейших участках бурения и добычи «черного золота» рядом со старыми трудятся молодые мастера, переимав опыт. Молодые — наша светлая надежда. Зная их, убедившись множество раз в том, как трудолюбивы, отважны, как готова к полному напряжению и отдаче сил наша молодежь, мы уверены в будущем нашей нефти.

Вы, может быть, скажете: министр необъективен, слишком уж хвалит он свою профессию, своих нефтяников. Не стану отрицать, но я правы. Но позвольте мне человека, который сумел бы говорить с молодыми сердцем, с объективным сторонним человеком о самом дорогом, самом главном в жизни! Не верю, что существует такой человек!

— НУ И ПОСЛЕДНЕ... КАКИМ ВЫ ВИДИТЕ ЗАТРАТИВНУЮ ДЕНЬ НЕФТЯНОГО БАКУ, БАХТИЯР МАМЕДОВИЧ!

Взгляните на карту Каспия в середине, там, где от берега далеко в море выдвигается полуостров Апшерон, выступает полуостров Челекен. Между ними лежит, пересекая все море, отшель, так называемый Апшеронский порог. Под ним геологи находят богатейшие месторождения нефти. Иные Нефтяные Камни и морские нефтяные промыслы у Челекена — это первые этапы строительства гигантского нефтяного моста Дружба, который соединит Азербайджан и Туркмению. У нас уже сейчас нет технических ограничений для создания такого моста: дело лишь во времени. Мы можем и будем ставить нефтяные вышки на стометровых глубинах Апшеронского порога. А дальше и вижу морские промыслы на больших глубинах южной части моря. Там ученые нашли более девятая районов, перспективных для разработки нефти и газа. Они обещают нам миллиарды тонн «черного золота». И на суше еще не сказано последнее слово.

Мы приступаем сейчас вплотную к бурению уникальных сверхглубоких скважин на семь — девять — пятнадцать километров, и я уверен, что в этих невиданных глубинах нас ждут богатейшие залежи. Все, о чем я рассказывал вам, — дело огромной трудности. Может быть, сегодня нам не менее трудно, чем было пятьдесят лет назад. Но, так же как и тогда, мы видим залог успеха: все наши достижения в одном, в самом главном — в тех, кто несет тяжелую вахту в море, стоит у буровых установок, идет под ярким солнцем и студенными ветрами в разведку, — в рабочих, в наших советских людях, в нашей молодежи, которой все пол вахты, все по влечу!

Добываемая в Баку нефть исчисляется ныне миллионами тонн. Трудно поверить, что нефтяная житница страны началась с разрушенных и разграбленных промыслов, когда драгоценную нефть считали на пуды.

Повлена назад при пристальном внимании В. И. Ленина рабоче Азербайджана закладывали первые камни в фундамент советской нефтяной промышленности.

1909 год — нефть в бурдюках перевозят «корабли пустыни».

1912 год — строится нефтяной колодезь.

Пожар на старых промыслах.

ТЕЛЕГРАММА

**САГА
О БАКИНСКИХ
НЕФТЯНИКАХ**

Марк БАРИНОВ,
специальный корреспондент
«Смена»

Письмо в Баку

«21V — 1921 год. Т. Серебровский! — Теперь, когда есть Батум, надо изо всех сил запрячь на быстрейший обмен нефти и керосина за границы на оборудование.

Известная самостоятельность нужна для этого Бакинскому району. Если не имеем ее, телеграфируйте срочно, мы вам ее дадим.

Формулируйте точные предложения — шлите их в СТО телеграфом и почтой. Необходим областной хозяйственный центр, отвечающий за Баку, Батум и т. п., ведущий дело самостоятельно, быстро, без волокиты. Мы отсюда вам не поможем, мы сами бедны. Вы должны нам помочь, покупая из-за границы все нужное в обмен на нефть и ее продукты.

Жду ответа короткого по телеграфу... и подробно по почте.

Правильные сношения с СТО — необходимы непременно. Это главное.

Еще один вопрос: правильно ли ставится в Баку вопрос о нефти с точки зрения согласования разных сторон народного хозяйства? Ведь ирай богатейшей: леса, плодородия (при прощени) земля и т. п. Какое же виду (с нефтью) и не упускается эту воду на орошение, которое дало бы жи-

Александр Павлович Серебровский.

Телеграмма

РАБОЧИМ ГОРОДА БАКУ.

Москва. 6.X.1922.

Дорогие товарищи! Я только что выслушал краткий отчет тов. Серебровского о положении Азнефти. Трудностей в этом положении очень не мало. Посылая вам свой горячий привет, прошу вас ближайшее время продержаться всячески. Первое время нам особенно тяжело. Дальше будет легче. Победы мы должны добиться и добьемся во что бы то ни стало.

Еще раз шаю вам лучшие коммунистические приветы.

В. УЛЬЯНОВ (ЛЕНИН).

Так выглядела в 1930 году Бибисабатская нефтяная промышленность

Вышка № 7575 — первая советская буровая

гангисте уронил сына, прися, хлопнул! Не слышали «номера» для востанков дельтегиле! Но глазом, но ночью, продовольствие, орошение. Можно ли развить нефтяную промышленность и не развеша орошения и земледелия вокруг Баку? Думает ли кто, что и работает ли кто над этим на следуют? Что с английским планом орошения? Кто нам, прия, Лениню.

Для того, чтобы оценить все значение этого ленинского письма, из которого мы здесь приводим лишь часть, надо вспомнить, что с событиями полувековой давности. И тогда раскрывается интереснейшая страница истории, связанная с именем Владимира Ильича Ленина, с именами его верных соратников.

Человек, которому адресовано письмо — Александр Павлович Серберовский, — в апреле 1920 года, в первые же дни установления Советской власти в Азербайджане, приехал в Баку. В маюле Серберовского, подписанного Лениным, значилось, что он является руководителем нефтяной промышленности Азербайджана. А что собой представляла эта промышленность?

В истории нашей страны мы читаем, что после гражданской войны хозяйство нашей страны было разорено, в государстве царил развал. В полной мере эти слова могут быть отнесены и к Бакинскому нефтяному району. Однако было еще одно грозное обстоятельство, которое многократно усугубило опасность гололеми.

Если из колодез постоянно брать воду, она постоянно пополняется и остается всегда чистой, свежей. Если же черпать, она портится, колодезь гибнет. То же и с нефтью. В Баку в 1920 году безжалостно выкачивали не только сырую, но и сивалькин! Не сивалькин, не промышленный — весь нефтяной район был угрозой гибели! И только немедленные меры по восстановлению могли спасти положение. Так докладывали академики Иван Михайлович Губкин Ленину. Экономика Баку требуется 250—300 миллионов золотых рублей — именно столько и недостаточная для государства в то время. Положение, назалось бы, складывалось безнадёжно.

«В первой части ленинского письма речь идет о концессии. Владимир Ильич тщательно занимается с положением в Баку. Грозное, с преобладающей необходимостью, нефтепереработки, экономики нефти. Товарищи, бываешь ли пережить? Ленин вспоминал, что на столе у Владимира Ильича он видел книгу по истории нефти в СССР, подготовленную им, заключившим, выпитым. Ложка «номунистического

самовластество» — «сами славами, Владимир Ильич доказал целесообразность и необходимости сдачи части промыслов в концессию, чтобы капиталисты сами своими руками восстановили бы их. dagli рублями продуктами и орудия, промышленности — материалы и оборудование. Однако капиталисты не пошли на выходящие для них условия концессии. Они помяли, дажно угрозу танк для них выход советской нефти на мировую арену торговлю. И в результате широкий план концессии в Баку, в связи с техническому сотрудничеству с «Барнабальской корпорацией», которые ни по какой мере не могло исполнить, сложене.

Но В. И. Ленин в своем письме указал и другой путь — прямой обмен с лаграницей. И тут надо отступить от рассказов и познакомить нас с человеком, которому было адресовано письмо.

Ему было тогда тридцать шесть лет, а по имени у Александра Павловича профессионального революционер-ленинца. С 1903 года — с двадцатипяти лет — член партии. В 21 год — боек на баррикадах первой революции. В 1907 году поехал за границу, и Ленину. С Владимиром Ильичем Серберовский знаком еще с 1905 года. После побега с Александром Павловичем. Он настаивал на том, чтобы Серберовский пошел учиться на инженера, потому что увидел в молодом революционере задатки крупного руководителя промышленности. В будущем государстве рабочих и крестьян и готовил кадры руководителей этого государства. Серберовский окончил высшее техническое училище в Бресселе со знанием инженер-механика.

В октябре 1917 года Серберовский — в числе участников штурма Зимнего, в годы гражданской войны — на Украинском и Южном фронтах. И вот Ленин, в Москве, в августе 1921 года: «...Тяжело и страшно работать в таких условиях. Разумеется, я буду бороться с ними, но не сердиться, себе дороже. Не сердиться, это можно и должно и не всегда своевременно отчитываться перед Главвентри!»

Совет В. И. Ленина о выходе за границу и в своем «нефтеугольном» по началу показался Серберовскому невыполнимым. Но Ленин вспоминал, что за границу было абсолютно невыгодно — как говорится, себе дороже нефть. И Ленин вспомнил, что можно получить на разбитых, на ладан дышащих стареньких нефтеперего-

ных заводах Баку, кроме инзисортного нересина и таких же инзисортных масел! И тут начался первый этап этой удивительной истории.

Познуглобание, раздетые и разутые рабочие бакинских промыслов и заводов, которых осталось едва пятьдесят тысяч — из пятидесяти до работности — узнав о письме Ленина и планах Серберовского, совершили героическое дело: организовали трудовое восстановление линии для производства небольшого количества высокоокислительного бензина и масел. Они пригласили первую партию нефтепродуктов для продажи за границу — около ста пятидесяти тысяч пудов — ровно столько, сколько можно было загрузить в огромным трудом отремонтированного грузинскими рабочими парохода «Джорджия» (Грузия). На нем Серберовский отправился в 1921 году в свои «нефтяные конорасты», нам писали иностранные газеты, в Турцию.

Гости на «Джорджии»

Первым посетителем на «Джорджии» в Константинополе был...

«...Товарищ Серберовский! И вам... человек какой-то».

«...Товарищ Серберовский и вахтенному. Тот махнул рукой».

«...Борис буржуа! Оборачев, турки! Александр Павлович удивленно поинтересовался, почему же так?».

«...Давай его сюда!» — через минуту странный посетитель стоем перед Серберовским. Да, одет очень бедно, но не бедно. Рабочий человек? Турки что-то возбуждено заговорили. Переодели капитаном».

«...Член профсоюза портовых рабочих, нет, вру, член исполкома профсоюза». Что, что? Верно, Александр Павлович говорит, медисист, наш друг! — А турки тем временем, улыбаясь, твердили всезнающим, улыбаясь Ленину, Ленину А потом снова бурно заговорили. Капитан, забыв о Серберовском, вслушивался в его речь. И только когда незаметно любезности Серберовскому.

«...Слушайте, это погрязло, что он говорит — тамеюна на товарищ станции Салогу находится 5 вагонов буржуа и оборудованы для бакинских рабочих поставленные «Испиньские» машины индустриальной компании» — бурно, бурно заговорили, переломлены, замолчали в ужасе оттого, что не успели сказать про этого человека. И только когда незаметно любезности Серберовскому. — Слушайте, это погрязло, что он говорит — тамеюна на товарищ станции Салогу находится 5 вагонов буржуа и оборудованы для бакинских рабочих поставленные «Испиньские» машины индустриальной компании» — бурно, бурно заговорили, переломлены, замолчали в ужасе оттого, что не успели сказать про этого человека. И только когда незаметно любезности Серберовскому.

ния не имеет права конфисковать груз, но во те же время и компания не имеет никаких прав на него. Нобеле и Манштейн, ясно, давно уже этим не интересуются. Человек говорит, что за 10—15 тысяч золотых — стоимость пошлын — турки с радостью отдадут все это имущество!».

Серберовский вскричал. — Арсен! Какую удачу! Что возмни? Но где же эти золоты?! Где взять!?

Через три часа все было ясно. Сорпроводаемый угодили улыбающимся начальником Салогугоуэской таможни, азамчи русский. Исподин Серберовский медленно проходил по длинным туиним залам парохода».

«...Здесь в тишине огромных складов догчим мычати в своем бакинском кабинете. Новенькие буровые станки, электромоторы, компрессоры, лебедки, комплекты буров, грязевые шланги, бухты тросов, наборы буровых инструментов — и все это в добротных утюжках, сопровождаемое подробнейшим описанием спецификаций, паспортами. Руки чесались от желания немедленно схватить, распотрошить, приступить, назвать Господи Серберовский шевя с маленьким личиком. Деняги! Где их стоеить сделать, но на нем ценная пошлын! Вези черт его знает, когда состоится сделка, но на нем ценная пошлын! Вези черт его знает, когда состоится сделка, но на нем ценная пошлын! Вези черт его знает, когда состоится сделка, но на нем ценная пошлын!».

«...Здесь в тишине огромных складов догчим мычати в своем бакинском кабинете. Новенькие буровые станки, электромоторы, компрессоры, лебедки, комплекты буров, грязевые шланги, бухты тросов, наборы буровых инструментов — и все это в добротных утюжках, сопровождаемое подробнейшим описанием спецификаций, паспортами. Руки чесались от желания немедленно схватить, распотрошить, приступить, назвать Господи Серберовский шевя с маленьким личиком. Деняги! Где их стоеить сделать, но на нем ценная пошлын! Вези черт его знает, когда состоится сделка, но на нем ценная пошлын! Вези черт его знает, когда состоится сделка, но на нем ценная пошлын!».

«...Здесь в тишине огромных складов догчим мычати в своем бакинском кабинете. Новенькие буровые станки, электромоторы, компрессоры, лебедки, комплекты буров, грязевые шланги, бухты тросов, наборы буровых инструментов — и все это в добротных утюжках, сопровождаемое подробнейшим описанием спецификаций, паспортами. Руки чесались от желания немедленно схватить, распотрошить, приступить, назвать Господи Серберовский шевя с маленьким личиком. Деняги! Где их стоеить сделать, но на нем ценная пошлын! Вези черт его знает, когда состоится сделка, но на нем ценная пошлын! Вези черт его знает, когда состоится сделка, но на нем ценная пошлын!».

«...Здесь в тишине огромных складов догчим мычати в своем бакинском кабинете. Новенькие буровые станки, электромоторы, компрессоры, лебедки, комплекты буров, грязевые шланги, бухты тросов, наборы буровых инструментов — и все это в добротных утюжках, сопровождаемое подробнейшим описанием спецификаций, паспортами. Руки чесались от желания немедленно схватить, распотрошить, приступить, назвать Господи Серберовский шевя с маленьким личиком. Деняги! Где их стоеить сделать, но на нем ценная пошлын! Вези черт его знает, когда состоится сделка, но на нем ценная пошлын! Вези черт его знает, когда состоится сделка, но на нем ценная пошлын!».

«...Здесь в тишине огромных складов догчим мычати в своем бакинском кабинете. Новенькие буровые станки, электромоторы, компрессоры, лебедки, комплекты буров, грязевые шланги, бухты тросов, наборы буровых инструментов — и все это в добротных утюжках, сопровождаемое подробнейшим описанием спецификаций, паспортами. Руки чесались от желания немедленно схватить, распотрошить, приступить, назвать Господи Серберовский шевя с маленьким личиком. Деняги! Где их стоеить сделать, но на нем ценная пошлын! Вези черт его знает, когда состоится сделка, но на нем ценная пошлын! Вези черт его знает, когда состоится сделка, но на нем ценная пошлын!».

зрелище. На столе, во главе которого всегда восседал Арсен, стояли бутылки с коньяком. Впервые Английские реardini винами, дьявольское, возмущающее горько-сладкое, белое вино, закуски состояли из восточных деликатесов. Обед в «Софроссе» всегда нагрудные медные рамы иллюминаторов, снежно сила чача на светлых на стенах и на полу. Шесть. Толстый итальянец и его толстый переводчик сидят за столом с одинаковыми усиями и безурядными проборам. Шестий был худощавый, очень красивый молодой человек. Итальянский господин со светлыми рыжими волосами. Сербский был молодой, помятый, с черными глазами молча попикивал. Иностранцы встали и поклонились присутствующим русским. Господин в черном пальто.

— Зирно Инсон, привезенный фирмой Альфреда Альберта, — представился итальянец.

— Пьер Лягран, коммерческий директор фирмы Альфонсо Сосифоро «Компания», — отрекомендовался француз.

Господин, покосившись на англичанина, на мелком русском языке заявил, что он директор фирмы «Турция нефта» Гадю-Паша Осман-Бей.

Гости уселись, на свое место, и Сербский отменил про себя, что они рано-то дружили и попикивали.

Аргумент улюбился, он заметил, что, кажется, его дорогие гости не очень рады встрече друг с другом на таком корабле. Итальянец встал, свистнул, затем Гадю-Паша пояснил, что он делал дело с турками и надобно ввести своих итальянских и французских коллег, поскольку они не имеют никаких дел с турками.

Итальянец предложил переменить тему разговора, и начал говорить о будущей войне с Грецией, уме выражаясь меланхолически жаловаться на «Греческую». Француз заявил, что он удивлен словами почтенного Гадю-Паша, предложившего англичану издаться известным как друг и союзник, и было бы интересно увидеть Француз в своей привилегии было колледж, вращающее поглядывая на своих коллег.

Сербский невнимательно наполнил чашку коньяком, поднял выпивая. За добрую половину господин промолвил, он тут и, когда все кончили. Итальянец — Я не знаю, почему так различно. Надеюсь, господь вы помните, визит «Дириния» не спешите.

Я вижу не только предельное преимущество с грузом бензина и масла из Турции. Кроме того, вы импортируете итальянских сухогрузов «Риччалди», как это в скором времени я смогу предложить вам значительные количества нефтепродуктов.

Иностранцы именованно заговорили между собой.

Мы надеемся, господин Сербский, — поспешила заявить Француз, — что, учитывая сегодняшнюю обстановку, нашим фирмам вы окажете преимущество в заключении сделок, Сосифоро.

Альфонсо вы должны выслушать наши условия.

Гости насторожились.

Что необходимо, чтобы все наши расчеты шли в вашу выгоду. Исключение могут сделать, если фирма гарантирует мне поставку указанного в этих перечнях имущества и материалов. Сербский ответил на свои вопросы, указав на желаемые списки. Иностранцы улубились в слушание.

После длительных переговоров, наконец выяснилось, что Сосифоро берет на себя поставку одежды, обуви, ниток, иглоушковок. Точно в сроки тысяч и тысяч фунтов. Кроме того, фирма итальянского происхождения должна предоставить соглашение. Альфонсо Альберта обязался поставить трубы, краски, стройматериалы и прочие необходимые имущество. Француз предложил списки на грузовые автомобили. Кроме того, покупателя должны были предоставить на свои станции Салагулу 10 тысяч рублей золотом — сумму, обуславливающую Сосифоро с таможенниками. Один из французских инженеров предложил организовать рабочие бригады, которые должны присутствовать и разгружать погруженные опущенные.

Проводя гостей, Сербский почувствовал себя совершенно опустошенным. Такого рода разговору в вероятную нервную нагрузку этих французов и предостережениям мира, от которых, однако, за исключением его рискованной акции. Зато нов успех!

На волоске

Наделена отсюда «Дириния» была обвешана его грузы и уже половина.

В первую голову были погружены и любовно ухаживали в тридцать машин с машинами из Салагулуго таможен. Кроме этого «вара между нами» грузы называли баншиш имуществом «отделенной» компании». Сербский закурил и начал излагать условия и оборудования, которые для грузовой баншиш машины требовались спасение. Одновременно был заключен договор на поставку сахар, муки, сахара, вяленого мяса и сухих фруктов.

Зирно Инсон и Гадю-Паша обнаружили в Бану, где было решено отделить отделить фирму для закупок нефтепродуктов, а в Константинополе Сербский основал небольшую экспортную контору. Дело закончилось крупное, и Александр Павлович был очень доволен. Он даже написал расписку о деятельности большинства журналисты не имели ни и «грязи в адрес «Красного нора»».

Благовардские константинопольские листки грезит русским расправой. Турки были осторожны, жаждали, любили, Французия и итальянцы не срывали удовольствие от выгод своего. Шум в прессе усилился, когда в Константинопольский порт вошел второй паровой корабль из Советской России — «Полония» с грузом первой категории.

Сербский осматривал купатели, деньги платил вперед, не видя товаров. Крамчаево больше разворот торгов.

«Вечером, когда намонец утомился деловой лоду, целыми днями топтался на «Дириния», Александр Павлович заперся в своей каюте и беседовал с человеком, прибывшим на «Полония». Это был курьер от Ленин. Владимир Ильич уже знал кое-что из «слухов» Сербского и был очень сильно обеспокоен. Дело в том, что нездало до этих событий произошло большой скандал. На французском пароходе «Аниона» был отравлен в СССР совершенно неизвестные товары, за которые мы заплатили золотом.

Это была типичная мошенническая проделка чужих междунароных спекулянтов, с которыми неосторожно свалился наш единственный и невыполняемый в делах торговли Внешторг. Ленин наговаривал. Это был молодой дорогой урон для нашей бедной страны. Владимир Ильич направил тревожному телеграмму Сергею Ординандзе, копию которой приназл срочно доставить Сербскому.

«Ординандзе», копия Сербскому.

Гарантия, что «Сосифоро» не надету! Как можно было дать ему монополию! Я вовсе не против торговли прямо Альфонзетгора и Альфонзетгора в Константинополе, я готов поддержать автономно Бану в значительных пределах, но нужны гарантии. Прочту ответить мне немедленно, послана ли с надежным курьером

точная опись всего купленного Сербского в Константинополе, тогда именуется подробности договора. Я обявляю Сербского с казенными нулевыми посылать письмо, извещая телеграфом об имени курьера и сроне выезда. Это именем теперя занимаю Сосифоро.

Председатель СТО Ленин.

Тон телеграммы был суровым, и Сербский глубоко задумался. На очень успешной работы в Константинополе. Мисья Лявина в первый момент покказился ему несправедливым, но чем больше думал Александр Павлович, тем больше думал. Он продолжитован юным глубоким беспокойством за успех дела. А еще через некоторое время понял Сербский, и другие в телеграмме замолчали и предупредили: нельзя обольщаться своими успехами, надо быть бдительными, помнить о том, с кем имеешь дело! Он передал курьеру подробный отчет о проделанной работе и просил незамедлительно доставить его Ленину.

Сербский совсем уже было собрался наконец уснуть, когда вахтенный сообщил, что его спрашивают два человека.

«Пероптер?» — спросил Александр Павлович.

«Да нет, вроде солдаты...» — послыдал ответ.

«Солдаты? Турецкие?»

«Нет, похоже наши, русские...»

«Чудеса!», — подумал Сербский и выслушал испуганные почтенные солдаты. Через минуту у него осторожно вошли двое. Обращенные ничем, нечестные борода, иссушенные лица. Сомнения не было: перед ним стояли солдаты белой армейской армии.

«Итак, вы поговаривали, друзья?» — спросил Сербский.

Солдаты переглянулись.

«Да, мы говорили с товарищем Соведкин — спросил старший. Лукиасис Павлович из Салагулу. Он хорошо знал, что под Константинополем находится лагерь, в котором живут тысячи солдат, вывезенных белогвардейскими генералами во главе с Брагилем из Крыма. Эти обманутые русские люди являлись ималью оптом и в розницу, отправляя на тяжкие работы и турецким помещикам или во французский иностранный лагерь. Но что надо этим людям от него?»

«Садитесь, рассказывайте!» — говорил Сербский.

Солдаты осторожно уселись, молчали, велись.

«Дело наше страшное, гражданничья товарищи Сербский, — заговорил снова старший. — Мы тут в лагере, недалеко от города. Есть у нас комитет, тайно, вроде большевистский...»

«Большевистский!» — удивленно переспросил начальник Лагера.

«Ну, это только так говорится... Бесприличные мы, конечно. Однако выданных очень бедуют деньги. Вот и собираются зайти иногда в Россию чинтею, как и что там... Очень дорогим, товарищам гражданам Сербскому...»

«Сербский улыбулся.

«— Там чего же тут страшного? Солдату пригнулся, загворив почти шепотом.

«— Завтра утром шестьюсот шестом сделаем в лагерь. Тут явдано с нами. Но это все брехня. Нам ничего делать не будем. По синему затаен адринку, салату. А потом все и немее на «Диринию» и подожо сделаем. Все разным, а как товарищамрамкам, убоить нам надо безбремной! Борода Сербского этого слышась на переносице. Он молча слушал, а солдат продолжал:

«Вот, товарищ Сербский, предударенная, мешать не будет. Портвою охрана будет отведена. А если вы сегодня яврия захотите шикнуть, таможенники не выпустят, выход не оформит. Это что, врагивые шутки!»

«Иностранцы спросил Сербский.

«Не... замолот головой солдат. Англичанин там у нас все овилься, а иностранцы мысли прола да за дверь шептался.

«Иван-Петч шепло готовый сюрир!» — пришептал Сербский.

«Он похвалиться, как делаются холоде запозал под рубашку. Вот ответ затаных злобу яму. И как все сепя с русскими расправит русские, сами в стране, ни при чем.

«Где сейчас наши люди, которые заступают? Вам надо поднять внимание Спросил Сербский.

Солдаты недоуменно посприрали на него.

«В лагерь, в бараках!» — ответили.

«Сможете собрать их так, чтобы отведом не знали? Я буду говорить с ними!»

«Когда?» — изумленно спросил старший.

«Немедленно, сейчас!»

Солдаты возбужденно заговорили. Он не должен ехать в лагерь, опасность смертельных. Если не убьет офицеры, то солдаты сами приночат.

«Очень озабочены, слушать не станут!»

«Есть, надо! Выхода нет!» — твердо заявил Сербский.

Вызвал капитана, он распорядился перейти на внешний рейд, и не слушая возражений, быстро спустился на берег.

«...Огромном грязном барине набилось пятисоты солдат. Воздух темный, спертый, настроение под стать воздуху: темное, грозное. Сербский взбрался с трудом (мелкая ранная нога) взбрался на тумаш, встретился в белесые в поумаре лица, обращенные и нему с равнодушной угрозо. Гретьо далеко в проходе заметил встревоженные лица давешних двух

1924 год. С. М. Киров и В. В. Кубышев с фоталирирующей скаканим.

солдат. Глухою вздохнул. Заговорил негромко, тишина стояла мертвая.

— Я Серебровский. Вместе с рабочими на Баку и моряками из Грузии привез сюда для продажи нефть, чтобы увезти отсюда продукты и одежду рабочим, машины и оборудование для промыслов. Нас здесь всего пятьдесят человек. И завтра вы должны нас вернуть, а все, что мы купили для русских и азербайджанских рабочих, уничтожить.

Серебровский замолчал. А баран негромко, но угрожающе зашумел. Солдаты, видимо, эти обезоруженные, загнанные, озлобленные люди, не спойлишь им между собой, спойкало ворчали, нет, злобно рычали.

Серебровский перлил трубу. Шум поплыл смятым, и снова воцарилась тишина.

— Я начальник Азешети, народ мне доверил строить новую нефтяную промышленность. У меня в Баку пятьдесят тысяч рабочих. А нуно, чтобы было пятьдесят. Я вас спрашиваю, русские люди, что вы здесь делаете? Неужели вам нет дела до Родины, неужели вы не хотите вернуться домой?

Тут баран взорвался яростными криками.

— Чего дура ты тривишь, гад? — ревел огромный солдат в разорванной шинели.

— Бей его, ребята! — визжал другой.

Серебровский молча резко поднял руку, наклонился вперед. Тишина воцарилась почти мгновенно. Люди были полны ненависти и этому чудному, непонятному человеку — врагу, большому врагу. Но так велико было желание надеяться, поверить еще раз, хоть кому-нибудь.

Они махали.

Мне сказали, что вы хотите убить нас и уничтожить наш труд. А я пришел и вы сказали, что вы в России, русские люди. Россия готова забыть ваши преступления и принять вас. Это говорю вам я, Серебровский. Я предлагаю вам работу, работу нашу, уважение нашей молодой республике, уважение страны и рабочих людей. Я зову вас и как в Баку, и как в России, вы можете очень нужны России. Вы нужны Родине! Поверьте мне это нуно!

Теперь баран бубнел полтысячи глоток. Серебровский саванил, стискивая десны от возбужденных до крайности людей.

Мне записная, пиши, я еду! Хоть зарлатом, хоть как хошь! — ревел солдат зааваривая шинели.

Его отпихивали, и Серебровскому порывались другие. Он в три секунды выскочил из лагеря, деловито сжег мертвой тишины.

Вот еще цифирь: в первые годы мы добывали в 2400 тонн нефти в сутки, сейчас — вдвое больше; и газ у нас добывается в объеме 2 миллиона 600 тысяч кубических метров. Будет ли объяснением производственного успеха такое сравнение 50 комсомольцев, а сейчас здесь 14 цеховых комсомольских организаций, а в них больше 300 человек ВЛКСМ. Многие учителя твоих прославленных мастеров, как Герой Социалистического Труда Курбан Аббасов. Не скучай, передают они личный опыт своим воспитанникам. Их отношение к труду, любовь к нефти, к морю становится примером для молодежи.

— Триста комсомольцев — это, конечно же, триста разных характеров, взглядов, отношений к работе. И все-таки какую черту вы считаете общей у комсомольцев вашего управления?

— Есть такая азербайджанская поговорка: «Мужчина только один раз дает слово». Мне кажется, я не ошибусь, если скажу, что это стало общим для всех правильно. По всему управлению можно увидеть обязательство, не только с громадным комсомольцем, но тем не менее любя комсомольцем, как правило, перевыполняют план, овладевают конкурсы. Саях за звание «Лучший» профессии борются почти все молодые рабочие НПУ.

Успех движения за звание «Лучший по профессии», мастерство его участников свидетельствуют о том, что живут в молодой стране красивой и гордой, представляют собой пример нашей трудовой гвардии профессии — нефтяник.

САТА О БАКИНСКИХ НЕФТЧИКАХ

Сегодня

одно из самых перспективных нефтяных управлений республики носит имя А. П. Серебровского. Дело патриота бакинской нефти, убежденного ленинца с честью продолжает родолеж 60-х годов.

Седияр СУЛТАНОВ, секретарь комсомольской организации НПУ, отвечает на вопросы «Смены».

«СДЕЛАЙ КАК МОЖЕШЬ ЛУЧШЕ...»

— Как выросло ваше управление за семь лет его существования? Я задаю вам этот вопрос не только как секретарию комитета комсомола, но и как «старожилу» НПУ.

— В этом случае с вами же вопросом вы могли бы обратиться больше, чем к половине рабочих и служащих нашего управления, потому что они работают здесь со дня его основания. Например, к бывшему бригадиром комсомольско-молодежной бригады Али Эюбаеву, ныне старшему инженеру первого промысла, или к бывшему оператору по добыче нефти Акудару Мамедову — заведующему промыслом; заместителем начальника цеха научно-исследовательских производственных работ кандидату наук Кадыру Ханлыбову, бывшему оператору. Кстати, диссертацию Надир подготовил во время работы в нашем НПУ. Не случайно я стал называть имена этих людей, воспитанников нашей комсомольской организации. Разговор о росте нуно начинать не иначе, как с роста кадров, людей. Разве достаточно сказать, что, допустим, общая протяженность эстакад управления сейчас 42 километра, тогда как семь лет назад НПУ начиналось с разбросанных в мире отдельных оснований? Ведь за эти 42 километра самоотверженный труд людей, в штыль и в штурм покоряющих море.

Есть еще цифирь: в первые годы мы добывали 2400 тонн нефти в сутки, сейчас — вдвое больше; и газ у нас добывается в объеме 2 миллиона 600 тысяч кубических метров. Будет ли объяснением производственного успеха такое сравнение 50 комсомольцев, а сейчас здесь 14 цеховых комсомольских организаций, а в них больше 300 человек ВЛКСМ. Многие учителя твоих прославленных мастеров, как Герой Социалистического Труда Курбан Аббасов. Не скучай, передают они личный опыт своим воспитанникам. Их отношение к труду, любовь к нефти, к морю становится примером для молодежи.

— Триста комсомольцев — это, конечно же, триста разных характеров, взглядов, отношений к работе. И все-таки какую черту вы считаете общей у комсомольцев вашего управления?

— Есть такая азербайджанская поговорка: «Мужчина только один раз дает слово». Мне кажется, я не ошибусь, если скажу, что это стало общим для всех правильно. По всему управлению можно увидеть обязательство, не только с громадным комсомольцем, но тем не менее любя комсомольцем, как правило, перевыполняют план, овладевают конкурсы. Саях за звание «Лучший» профессии борются почти все молодые рабочие НПУ.

«Серебровский

не должен обижаться...»

Салон-вагон, прицепленный к старому поезду, словно суану в штормовую погоду, едет это нисколько не стараясь, с легким откликом настроения Серебровского. Он ехал в Москву докладывать о результатах работы в Баку. А результаты были превосходными. Грузы, доставляемые в Баку, «всех путей» — с грузом 40 тысяч пудов мушкетера в Константинополь курсом на Баку. Выбитыми темпами велось восстановление нефтяного Баку — смену в Баку открылось отделение Азешети. Александр Павлович — смену в Баку — вылетел на грузинском парике в Баку. В Баку открылось отделение Азешети. Александр Павлович — смену в Баку — вылетел на грузинском парике в Баку. В Баку открылось отделение Азешети.

«Ореховкидзе. 12 июля 1921 года.

Серебровский не должен обижаться на то, что я телеграфирую, я был обеспокоен судьбой Баку. Серебровский еще не исполнил своей работы. Требу от вас как частной и точной информации об итогах работы по улучшению нефтяного дела в Баку, я равно и в отношении азербайджанской Серебровскому.

Ленин».

Вы видите перед собою комсомольскую
группу Ново-Бухарьской нефтеперера-
батывающего завода. Талгья
Гезева, Тахир Ариф. На снимке
мы только Вадим — пора оту-
реть пометки, пишем корреспонден-
цию В. Чейлики «поймать» ее в
кадре.

продуктов. Дале шахар могом не получить из нефтянки. Но он не сумел еще освободить работу нефтянки от опасности. Нет еще таких тонких и точных приборов, которые бы могли бы контролировать за работой установки, которые могли бы заменить Таттына, Арифя и Таян с Семфира.

Правда, ничего не случается на 12-й установке, когда уже пять лет, хотя были положены книги, когда могло быть... Точность, с какой работает вахта Рагимова и остальные, позволяет не только быстрее и эффективнее устранять неполадки, плавающие установку от одного предупредительного ремонта до другого вместо положенных тридцати дней много больше двухсот.

Нефтяники любят детективы. Это, наверное, чисто профессиональная привычка. Многие из них заняты за хорошим детективом тогда помчатся на другой конец города. Приключенческая литература не имеет драматического действия. Современная литература намного качественнее — обрывает чувство опасности.

Толстой, тугой сигарой возмущается над установкой колодца. В ней, спрятавший от людского глаза, идет процесс прерывания нефти в бензин, лигнорин, авиационный керосин, дизельное топливо, солярку, керосин. Процесс идет при высокой температуре. Вся установка работает при высокой температуре и высокой влажности. Все это никак не сказывается на условиях труда. Потому что люди управляют технологическим процессом, будучи заняты в основном в работе на компьютере. Операторская сменяет пахнет ирригем чашем, чем не жарко.

Нефть на территории установки завода не видно вообще. Именно несильно дней работы на ННЗ и ни разу не видели нефти, если не поговорить ее помаленьку. Тогда кто-нибудь открывает крышку и вылетает в пробуренную густую черную вязкую жидкость.

Апаткина сделала возможной высокую культуру рабочего оператора. «У вас чистота, хорошая здесь хороший воздух?» — ревниво спрашивает меня Таян.

Однако обстановку в операторской асфальтосажа — пульт, стол, накрытый газетой, стулья и голые стены. За мной могут быть отходы. Утром — нет. Уют убоянный, приглушенное внимание. Не могу по этому поводу сказать ничего. Утром — нет дисциплины, как в армии; в часовой; ну и так далее, заведываясь, как в армии. Не знаю, статистику, именно в армии, в Эстонии, в Финляндии, в Великобритании авиационной керосин. Очень халявил детективы, романы, рассказы, что подкасаю Арифю выбор специальности.)

Единственное, что можно на вахте, — хорошо работать. Особенности операторской работы накладывают отпечаток не только на склад характера. Они влияют на характер, на потребности, на ННЗ много рационализаторов, в том числе и молодых. Творческое начало, которое будет в пятиминуте вне операторской деятельности, не подвергается той жесткой вынужденности. Толковый рабочий, освоивший установку, садится за книги, чертежи. Таттык, например, дал уже несколько дельных предложений; большинство уже внедрено. По его предложению установка расходует меньше топлива, сколько получено продукции не равные, чем в старом режиме заполняла очередной резервуар.

В Таттык же набивал всех от луж, которые даже в безоблачный день могли появиться на территории установки. На двенадцатой стояли невысокие конденсаторы холода, заполненные водой. Когда их конденсаторы подавали как вода дождя, то вода конденсировалась и вытекала на землю. Таттык высчитал, что, если повиснет стенок конденсатора на 200 мм, никакое «стихийное бедствие» никому грозить не будет. Через несколько недель конденсаторы выросли ровно на 200 мм.

Вовсе не случайно Таттыка Рагимова, командир вахты, комитет коллектива назвал лучшим оператором завода.

Для Таян, Земфиры рационализация железом, но еще далекие будущее. Прежде надо изучить установку до тонкостей, «до корня».

Для Таян и Земфиры работа на установке пока только часть интересного труда, но и грустная необходимость. Работа на установке, которой при немалых девичьих потребностях малоюти. И все-таки для них это не теши, которые определяют отношение к работе.

В этой вахте уже «начальники». Таттык — командир, Ариф — заместитель, комсомольско-прожектор», Земфира тоже «луж». «ИП», а Таян стихийно возникший «культмассовый человек». Обе девушки пришли на завод год до начала. Их работа была в основном связана на другую установку, другая, административная в проектный институт. Таттык с Арифюм задавались: сложится опять такая же славная вахта, какой была вахта прежде?

Как-то незаметно сложилась «такая же слава-

ная бригада». Каждый из четверых сумел занять и в своей группе особое место и она была по-своему неповторима: бригады: уравновешенный, уравновешенный, как и подобает старшему, Таттык; энергичный, быстрый Ариф; женственно-мягкая Земфира и серьезная, мечтающая обобщить все, как и подобает старшей. Вкусы ее пока нерабочими, а она любит всякую книгу за неординарности, неважность следующей страницы. В книжных термах ценит чистоту, чистоту, благодарность.

Но и в жизни у нее себе все богатства, которые рстачили ей автором любимых произведений. Таян начала носить книги на работу. Каждый брань книгу «на ночь», а потом у себя разворачивала настоящие литературные произведения. С полудня в читальные библиотеки رفت солидно пополнились.

Для этих четверых существуют, конечно, не только книги. Они модны и веселы. Комсомольские собрания, спортивные соревнования, кино, моды. Плещут они часто одинаково охотно на транзистор и на модные платья, на билеты в театр и на новый журнал.

Лет десять тому назад все мы удивлялись: почему парни охотнее читают романы мальчишек и девчонок. Сегодня удивляться этому не приходится. Сегодня не одеваются модно и красиво только ленивые. И все-таки взгляд невольно задерживается на парнях и девчачьих, идущих со своими сумками особым ритмом. Сидят они в жаркой рабочей, которая полчасла навад в спешное структурная стену или читала отстойники. Есть в ней праздничность, торжество перерыва. Не только от освежающей воды и красной окраски, модности. Целью комплекса причин определяет настроение человека, его мироощущение. В него входит и удовлетворение работой и то, что называется атмосферой. Атмосфера, которую создает человек. Вышел человек пущаяча помощь Таттыка естественна до незаметности. Для девочки, впервые попавшей в рабочий коллектив, на самую первую ответственную работу, которую возлагали в себе девочки, чьи родители давали на работе и некому выкладывать отчет, настоящей и воображаемой, кроме как объективной поадуше, естественное движение товарищеского общения, естественное общение. Каждый день после того у Таян было хорошее настроение, и она все время забывала, почему. Письмо, что ли, из дому получила? А, задвигаясь, она уже забыла, почему стало для Таяни прозе, как в школе, когда она решила остаться на работу первую книгу.

...В 1916 году бакинская комиссия по вопросам промышленной гигиены провела на пожертвованной установке регулярную, и исследование всякий раз застревало в пути.

Это очень подробное исследование выявило то, что было видно невооруженным глазом: низкое положение нефтеремонтированных рабочих при работе оказалось важным событием. В нем есть небольшая глава, озаглавленная «Рабочие сами о себе» (2 страницы из четырехсот). Небольшая она потому, что лишь единицы из состава обследовали уметь писать.

Исследованию этому уже больше пятидесяти лет. За пятьдесят этих лет все неминуемо должно было измениться, однако трудно удержаться от соблазна и сравнить. Мы так привыкли к тому, что это все должно было измениться к лучшему в нашей жизни, так отчаянно удивляемся и переживаем, что порой забываем, что всего-то мы ушли по дороге, которая началась пятьдесят лет назад.

С работы обследовали о своем житье-бытье бакинские нефтяники в 1916 году (анкеты безымянны, но известен возраст ответивших. Все они не старше 34 лет):

«С работы приходили поздно (делается темпо) и спешно шли к парку и мячовой площадке. Если есть что читать, читаешь, а то поужинаешь и спать».

«У меня графа «общественно-образовательных расходов» (записки) выдвигается на первое место. Это произошло и происходит в настоящее время не о некультурности, а главным образом потому, что заставляло не только меня, но чужь

ли не большую часть молодых сил. Это тот самый человек, о котором чуть не каждый знает, а кому, кто всемо, вот что заставлял губить себя».

«В свободные часы, насколько позволяет время, читаешь, но больше всего — в скандалах с женой из-за воли. Но могу никак отучить, никак отучить, потому что это нечестно, потому что этого ничего не выиграешь. Кроме того, жить весьма и очень плохо».

«Каждая такая анкета только придает горчи, хотя она научна и имеет известную пользу. Но она не может дать никакого представления и не видно радости в будущем, кроме худшего. Даже порой по некоторым вопросам спрашиваешь и принимаешь ответ. Иногда думается: зачем в наше прогрессное положение».

«Дети рабочих — это нечестные создания, а родители работяк есть, оставлена лишь тема крестная, толкаящая их на путь погнели и нравственного развращения. Угн слижком трудно родителю без средств воспитывать своих детей в духе святой науки».

Быть может, среди безымянных авторов этих горьких строк были люди или отцы молодых рабочих Новообанского завода? Узнают ли себя мои читатели, если вы помните некоторых создателей, которых нефтяники 16-го года судили в будущем лишь тьму крестному?»

Вряд ли нужно проводить новое социологическое исследование в Баку, чтобы убедиться, как изменились условия жизни рабочих в Баку в последние годы, окружающих Таттыка, Таян, и Земфиру в каждом рабочем свой телевизор, транзистор, личная библиотека, у многих мотоциклы. И проблема свободного времени транзистор совсем горячая: какой фильм, спектакль, какое спортивное зрелище выбрать из множества предлагаемого щедрым на зрелища Баку. Или просто бродить по изумрудным улицам; слушать к мюрю, что так мятко, ласково дышит.

Главное изменилось не в вещах. Возможно ли представить фразу «Вечер я понаид?», написанную своим сегодняшним парнем или девушкой? Нет, конечно, не может. Но парни и девушки, они, напротив, все хотят понаид. Вы же знаете, потому что знание не несет им печали? У этих ребят совершенно иное мироощущение, вырабатанное привычкой существовать сиб молодыми хозяевами жизни, уверенными в будущем. Да, пожалуй, разница, несомненно, мироощущения в том, как люди представляют себе свое будущее. В этом, как кажется, сила документов 1916 года. Их можно использовать и сейчас, сравнивать. Психология былого, обследованная багаторейторной комиссией, складывалась веками. Революция за пятьдесят лет сломила построение столетиями и создала тип человека и иной, противоположной, оптимистической точкой зрени на мир.

Время, работа, уверенность в завтрашнем дне выработали в них какую-то точность, свойственную вообще многим их сверстникам. Они точно знают, сколько заработали в этом месяце. Они могут прикинуть, через сколько лет кто из них станет начальником установки, старшим оператором, Таян и Земфира знают, что и у них, девушек, предстоит быть карьерой. Угла же Арифю? Ветерана, который в 1916 году работал на установке, Ариф Арутюнова дальше пошла, сейчас она заместителю главного технолога завода. Ольга Савина, смелый инженер цеха, заслужившая звания Героя Социалистического Труда.

Когда человек из этой вахты возвращается уставше домой или приглядываются к показанию приборов, вряд ли им приходит в голову, что они принадлежат к той категории рабочих, которая аванта прежде на смену всем рабочим, как низкоквалифицированного труда. Что по существу, они завтрашние рабочие. В самом деле, в последнее время так много пишут об операторах, что может сложиться впечатление, что аванта прежде не так. Три года тому назад таких работников в химической промышленности было, например, всего три процента. Именно поэтому эти три процента привлекают аванта, аванта прежде на смену всем рабочим, примычки, вкусы, интересы будущих работников прикинуть общую картину близкого будущего.

Эти ребята живут, естественно живут, не рисуют. Работают, естественно работают. Одних из лучших молодых людей на ННЗ, тех, кто в институте, шутят, поют песни. В общем, «весьма и очень» хорошо живут.

Трудный хлеб Каспия

В апреле 1922 года враги пытались поджечь и уничтожить Сураханские нефтяные промыслы в Баку. Это им не удалось. Ленин, выражая благодарность рабочим и инженерам промыслов, писал: «Такие факты героизма лучше всего показывают, что... Советская республика выйдет победителем из всех затруднений».

Эстафета героизма не прерывается. Труд нефтяника каждый день требует мужества и самоотверженности...

Виктор САКК,
специальный корреспондент
«Смены»

Устория Нефтяных Камней исчисляется километрами астанды, шагнувшей далеко в море. Каждый километр — это ожесточенная схватка с Каспием, схватка по самым суровым законам.

Вот «газаны» затонувших кораблей, ломом скалистой отвеси — отсюда начинается эпопея стального острова. Есть здесь место, недалеко от Черных Камней, описанных волнами, где люди в суровом молчании снимают шапки у скромного памятника знаменитому нефтянику Иверочичину. Одним из первых он вступил в эту схватку за «черное золото» и пал. Пал как на своем трудовом посту, в неравном бою со стихией.

А эти искроверженные штурмом останки громадных свай, позумрудные моря и времена, могли бы поведать о мужестве людей, которые оказались крепче металла...

«Газны» петля по молчаливой деревянной «дороге». Ветер со свистом врывается в кабину через прислушанные стены. Иногда шальная волна, изловчась, ударяла впереди нас в астанду, обдавая потомом брызг.

— Зимой у нас на Каспии штурмы, хаос! — сказал мне водитель, молодой парень, смуглый от никогда не сходящего южного загарара. Вот лето — другое дело: солнце, море теплое, как парное молоко. Ну, рорт!

Сколько раз я поднимался на самую верхушку старой буровой, стараясь увидеть место, где кончается морской промысел, но мря стальной астанды, оштынившиеся буровыми вышками, не было видно. Пешком не пойдешь — далеко, да и ветер с ног валит. Нескоро дойдешь, не унимается сильный штурм. Начальство под разными предлогами не дало машину, уверяло, что это опасно.

— Что ты, дорогой!.. В такую погоду строить чай пьют. Опасно, дорогой, опасно...

И вот сегодня сбывается то, ради

Штурм-трап на воду!

СТА
И БИЛЕТОВ
НЕФТЯНИКАМ

чего я просидел столько дней в бездействии. Я поглядывал в окно «газика» свибоз ирутные капли на стекле, и в моем воображении рисовались надрывы, которые я мог бы сделать, но не сделал, потому что штормы утек и волны уже не переваливались через эстаду...

— Все вы, корреспонденты, чудачки.— заявил водитель, нарушив мои размышления.— Вот тебе вот недавно одного, а он мне всю дорогу рассказывал, что будет, если всю эстаду вытравить в одну линию...

— Ну и что же будет? — спросил я.
— Ким кто? Говорит: целых двести километров будет. Вот чудак, зачем вытравивать? И так хорошо.— И ланеньк весело захохотал, лукаво взглянув на меня и мои сумки с фотоаппаратурой.

Долгое путешествие подошло и концу. Вот он, заветный «край земли». Здесь, деревянное покрытие и перила мончались. Дальше были только рельсы на редко расположенных просмоленных шпалах. Нужно было пройти по ним метров двести, чтобы попасть в бригаду строителей. В широчных проветах между шпалами, совсем близко, разлились белые буруны волн. На них лучше не смотреть. Порывы ветра заставляют то и дело наклоняться. Где-то на середине пути я невольно вспомнил об уютной общекитин нефтенной и старался не думать о «волнах, переваливающихся через эстаду»...

Многоотный иран навис над неспокойным морем. Он напоминал большой, шагающий на длинных ногах корабль с многочисленными надстройками-переходами и слэменной, как на настоящем корабле, командой. Одним, подвижным, концом иран опирался на рельсы, с другого, нависшего, забивали сваи. Когда сваи укреплялись подводной и надводной свалью, иран сам себя подтягивал вперед и вновь заваливал. Так и «шагал» он вперед в от-

Гасанали Пашаев раздвигвал только одно мгновение.

В следующую секунду он уже поис на штора-трапе у самой воды.

Трудна и, этот хлеб Каспа.

крытое море, вздрагивая от мощных ударов механического молота. А сзади — проветриватель — вырастала эстакада.

Был на этом «шагающем» морабне и свой наплетан — мастер-монтажник морской эстакады Гасанали Пашаев. — Слушай, это говорить легко, а делать... это тебе не гоним забивать. Иной раз неделю бьешь, два бьешь, а она ни с места — в скалу упрется и все, а то иди в масло... наращиваешь, наращиваешь — отсюда на 100 метров, а до твердого грунта не дошла. Дно какое бывает... Слушай, это понимать надо.

И он понимал. Если Гасанали сказал — замол. Он стоял на верхней площадке и сквозь шум моря прислушивался и тому, как гудит свая под ударами молота, делая пометки мелом, по которым он один мог определить, на сколько метров ушла она в грунт.

В тот день смена была напряженной. Ребята торопились наверстать время, упущенное из-за штормов. Нужно было успеть поставить сваю и «связать» ее. Ветер снова усиливался, и дорога была каждая минута.

Когда Гасанали поднял вверх руку и крикнул «Хол!», молот послушно замер навверху. Гасанали посмотрел вниз. Свая прочно стала. Крупная волна, накатывавшаяся на нее, пеннелась и медово-жёлтою шипела. Двое монтажников уже заводили тросы под восьмиугольную «сигару» подводной сваи, а крановщик следил за рукой мастера, готовый в любую минуту выполнить его приказ. Порывы ветра сильно расшатали «сигару», и нужно было быть особенно внимательным.

Потом случилось то, чего Гасанали в душе опасался. Крановщик, точно вторя его руге, выполнил «стоп», когда начали подво-

дить «сигару» к свае. Дальше все произошло в один миг. «Сигара» не подчинилась крановщику, она качнулась под порывом ветра и сумно ткнулась в сваю. Автоматический замок вырвался, трос скользнул вдоль ее длинного

юрупса, и «сигара» вертикально осела в море, подняв фонтан брызг.

Теперь Гасанали видел перед собой только сорвавшуюся в море деталь и до дрожи натянутый трос, даже среднего крана прогибалась. В следующее мгновение Гасанали уже повис на штурмтрапе у самой воды. Время от времени волна выростала вровень с ним, и тогда веревочную лестницу швыряло и мурчало из стороны в сторону. Гасанали отталкивался от сваи, раскручивая штурмтрап. Окемда быстро намокла, но рту было противно от соленой воды.

А волна играла восьмитонной «сигарой», как поплавком.

Гасанали выждал, когда верхушка «сигары» пошла вверх, выравнявшись из воды совсем близко, и прыгнул. Как будто рога разъяренного быка бросили его вверх, потом вниз. Шальная волна накрыла его с головой.

Намокла сапоги свисались со стальной проволоки, Гасанали надменно оседлал металл, прижавшись спиной и натянному, как струна, тросу. Теперь рули у него были свободны. Он ловко поймал сброшенный с крана конец второго троса и быстро захохотал стальной свае. Затем сверху спустился ведеро с явистыми и точными движениями намертво привалять трос.

Короткий поединок был окончен. Ребята набились в иртыш брезентовых грузов. Все очень устало, холодный ветер пронизывал до костей.

Ага ЛАЧЫНЫ

РАБОЧИЙ

Где б ни был,
Что ни делал на земле,
Как прикасаясь
К истинному чуду,
Я вижу
Труд рабочего повсюду:
В рубашке свежей;
В хлебе на столе;
Во флагах,
Что горят над головой;
В машинах;
И в камнях рдного дома,
Где я живу,
Где с детства все знакомо;
В оружии,
Что держит часовой...

Он первый
Встретит трудные минуты.
Из стали веку
Памятник сольет.
Он страстно любит жизнь
И потому-то
Другим
Свой этот дар передает.

Перевод с азербайджанского
В. ПРОТАЛИН.

Все, что мы рассказали сегодня о Баку и его тружениках, только штрихи к портрету бакинского пролетариата. Однако и по ним можно представить себе его сегодняшнее лицо — волевое, сильное, значительное.

Люди, о которых повествуют наши материалы, продолжают дело своих отцов, славных бакинских пролетариев. Но позиции равно настоящие, насколько дети повторяют родителей. Они шагнули дальше, им

дано воплотить в реальность мечты отцов. Это о них говорил В. И. Ленин в незабываемом 1919-м:

«До сих пор, как о сказке, говорили о том, что увидят дети наши, но теперь, товарищи, вы ясно видите, что заложенное нами здание социалистического общества не утопия. Еще усерднее будут строить это здание наши дети».

Фото к «Саге о бакинских нефтяниках» Виктора САККА

а пепельно-серое небо среди широкого разлива обладало все то же зеленое, белое солнце сорок первого года. Все давно позабылось, а это солнце до сих пор светит-ли, Ольга Марьяновна, из ее памяти.

В то лето хлеба стояли высокие, наливные, а она все болелась, что это и война, и значит, ее Коленька не окончит достиженьки. О другом, болше страшном, она и не хотела думать, вери, что мыслями можно привлечь к себе беду.

И вот она, Ольга Марьяновна Громова, бежит по лодке вместе с другими беженцами под бомбежкой туда, и убитой речки Рачки, надеясь, что вода своим живым телом защитит ее от смерти... Она не помнила, как отчулась в речку. Она стояла, замурзывшись, по шее в воде и только шептала: «Не надо, не надо!»

Потом грохота разрывов не стало слышно, и Ольга Марьяновна увидела, как вода вырывается из всплесков: ей тогда казалось, что это страшные и рывчатые волны от дождя, и, только теперь, что это от осколка, она испуганно выдохнула: «Господи!» И поплыла к тому берегу, где был лес и где можно было спрятаться. Она теперь не верила воде, она теперь знала, что река, как все живое на земле, тоже беззащитна перед смертью.

Ольга Марьяновна только на берегу отчулась и поняла, что жива. Немские самолеты уже вернулись на запад, а поле, по которому она недавно бежала, стало похожим на пахоту — только кое-где еще торчали остатки молодого клевера. Земля муки, предназначенные ее людям, припала на себя.

Ольга Марьяновна опять спустилась к реке: она уже позабыла, что только что плыла, захлебываясь, что она все мокрая. Ей хотелось умыться.

Речка опять была спокойной, живой, убеждая Ольгу Марьяновну в бессмертии своей жизни. Подходя Громова к речке и увидевшая: вся заводь полна мертвой, оглушенной рыбы, плавающей вверх знойной, и дальше по течению тоже плыла мертвая рыба — рядом с большой, поблекнувшей белым, мелюзга, и столько ее плыло, что даже глазом стало страшно.

«Рыбчо! сколько! — удивилась Ольга Марьяновна. — И откуда она вылезла? И только потом она вспомнила, отчего эта рыба погибла. И она плакала окончательно: война идет не только против ее народа, но и против всей жизни на земле и, значит, против всех матерей.

По важной земле, по полям, разрытому бомбами, уже ходили грани и вскаки все черныш, как это они раньше делали вскаку земю. Они невесть откуда прилетели, и их становилось все больше и больше — на каждую ворону по десять — пятнадцать грачей, словно они знали, что земля нельзя им убиты, ни рыцать...

Потом она шла по лесу от солнца — солнце шло в обратную сторону, где была война, а Ольга Марьяновна — к переправе, на восток, где были свои спокойные люди и надежда. Так они и шли — солнце и Громова — в ранние стороны. И Ольга Марьяновна думала, что солнце все равно всегда заведет — ведь возвращаются перелетные птицы на той земле, где им тепло и все здорово. И еще думала, что птицы все: и журавли, и гуси, и скворцы, и лебеди — тоже беженцы, только птицам легче, чем людям.

Лес в то лето был густым, нетронутым. И было столько в нем ягод и грибов, что просто дыши дивнись — война заставила забыть людей о ягодах и грибах. Вышедшие грибочки теперь искали минь. И Ольга Марьяновна было как-то неудобно наступать на ягоды, и она старалась ступать туда, где их было поменьше. Так она и шла, босая, а ноги ее, почти до колен, были красными от вливающего ягодного сока.

«Что это зря — растерянно думала Ольга Марьяновна. — Так вот их и топчуть авра как оглашенная». И тут же подумала, что много людей — к большой речке, и еще раз вернулась в неуверенности давней приметей.

Уже к вечеру вышла к переправе, угадав ее по суматошному гулу машин.

У берега ее окликнул заросший до бровей бородою командир:

— Вы куда, тетенька? Пропуск!

— Какой пропуск, когда люди всюду бегут! — сказала Ольга Марьяновна, издеваясь.

«Боже мой, а до совсем молоденькой, зря это я приняла его за пожилого из-за бороды. И уже такие воюют. Вот до чего дожили!» — решила она печально.

— Все равно давайте документы, — сказал еще строже командир, стараясь не глядеть в глаза.

— А у меня, сынок, этих документов нету. Дом-то мой, видишь, совсем идо, со всей мой жизнью сгорел. А я еду туда, к Москве. Мне самой надо так узнать, почему это мы отступаем.

И тут она увидела еще больше разгневанного, что командир совсем как ее Коля, что и строгости настоящей не умеет он на себя напустить, и показала как-то виновато его за то, что он такой молоденький и растерянный.

— Ты что думаешь, будто я диверсанта? Нет, я просто войной распутившая, женщина. А паспорт — документ — у меня имеется свой, законный, и ты ему должен верить.

И она вынула из старого пиджачка завернутую в непромокаемую бумагу фотографию своего сына, где ее Коля был снят в новенькой военной форме. Командир посмотрел на фотографию, а потом на Ольгу Марьяновну, словно слегка, похолол или непохолол, почему-то помедлил и улыбнулся:

— Сын, наверно?

— Да, это мой Коленька, и я мать ему.

— А вы с кем, с кем поехали в глаза. Так что, мамаша, у вас действительно документ надежный.

— А вы мне не зря сразу похвалились. — сказала Ольга Марьяновна, — думала, засомнеюся. Такое время нынче недочервоно. Нет, думая, не засомнеюся — человек-то гавяний документ!

Ну вот видите, все обошлось! — сочувственно сказал подошед-

ший от лодки красноармеец. — Может быть, мы ее, товарищ командир, на лодке до того берега подвезем? Мы мигот сумеем, а?

— Что ж, — сказал командир, — исполняйте.

— Спасибо, сынок! — сказала Ольга Марьяновна. — А звать-то как?

Чтобы звать, если доведется встретиться.

Командир не успел ответить: вдруг все затормозились.

— Скорей, скорей! — И лодка с двумя красноармейцами и Ольгой Марьяновной отплыла от берега.

Красноармейцы гребли быстро и попеременно, потому что лодка была узкой и хлипкой. Ольга Марьяновна из чувства благодарности хотела сказать этим двум уставшим красноармейцам что-нибудь хорошее, значительное, такое, что могло бы запитить их в предстоящем бою если не от смерти, то от страданий. Но тактих слов у нее не было, иначе бы она обвела ими всех наших бойцов и не дала бы им умереть, а сделала бы бессмертными, как сообщив все народ. И, стесняясь за то, что не умеет всего этого, она тихо спросила у того бойца, что подошла к командирю:

— А вы на войне, поди, с самого начала, ишь нашивки-то пограбничали!

— Нет, я не успел, — ответил боец, — и из штаба возвращался, когда война началась, и, конечно, в свою часть не пошла.

Значит, войну в лицо не видел!

— А и фашистов только мертвых любил теперь: я их живых-то и до людей не считал! — опять сказал первый красноармеец.

«Ну вот и это ожесточилось, значит, солдатом становился, — подумала Ольга Марьяновна, — а я, дура старая, все спрашиваю новость о чем, а на-то просто отодвинуть надо, выпустить кучно коровенько — только и делов».

Вдруг возле лодки что-то всплеснуло, как будто кто-то с берега, откуда отплыли, пустил по воде несколько камней голышей. Ольга Марьяновна подняла голову и увидела, что первый красноармеец повернулся к ней спиной и что гимнастера у него прохудилась — на спине между лопатками виднелись две маленькие дырочки. И вдруг красноармеец завалился на спину, упал...

Тут только Ольга Марьяновна увидела тень уходящего самолета. Она подождалась к бойцу, но на нее уже смотрели задыхающиеся неподвижные армячки. И она поняла, что все теперь бесполезно, что летчик слишком хорошо целился из пулемета и что смерть опять обнесла ее, когда бы лучше ей погибнуть, чем этому молоденькому паренку, который боялся убитым.

Второй красноармеец подхватил второе весло и, согнувшись, встал в приче лодку, сынок погреб к недалекому берегу, откуда начали бить по самолету наши зенитки.

— Ну, до свидания, мамаша, — сказал второй красноармеец, — я сейчас не могу похоронить своего товарища — мне оная на тот берег надо. Мне для живых себя окончить нужно.

Марьяновна обвела красноармейца и трижды подползала его и благодаривла на жизнь от имени далекой его матери.

— Ну, плыви, плыви, пока тихо стало, — сказала Марьяновна. Ей опять стало нестерпимо грустно, ведь с самого начала войны она то и делает, что провозврат на войну кого-нибудь. «Что нам, матерям,

Рисунок Ольги Вуколова

труднее всех на войне приходится. Легко ли прожить?! А где возьмешь мочи, чтобы ждать обратно? Жить и ждать. Ох, и зачем мы матерями рождаемся! — оторвалась на свою долю Марьяновна. — На печаль несуетную рождаемся! Но тут она почувствовала беспомощность своего сердца и опять подумала: «Нет, пусть на печаль рождаемся, но печалью нашей жизни делят».

И снова брела Ольга Марьяновна на восток, куда летели немецкие самолеты. Сначала шла она в стороне от дороги, потом пошла, что так далеко не уйдет, и свернула на дорогу, где дымилась войска, машины, подводы, беженцы.

Там она шла, печальная памятью о том добросердечном бойце, что был убит в леске, и которого, она не знает, успели ли по-настоящему похоронить. У нее уже не было сил видеть горе, но она все равно шла по привычке, потому что ей обязательно нужно было увидеть сына. А еще она думала о том, какие должны быть у этих фашистов матери, если их сыновья только и умеют убивать.

Вдруг за спиной раздался веселый, смешной, чем-то похожий на голос командира с переправы:

— Ой, тетенька! Садись! Бесплатно довезем!

Она оглянулась — подвода, а на подводе, на передке, — молодой чернушый боец, а рядом с ним девочка.

Ольга Марьяновна взобралась на подводу, взяла на руки девочку и спросила:

— Ну, зовутка, как звать?

— Света, — ответила грустно девочка.

Света! — сказала Ольга Марьяновна. — Имя-то какое чудное.

— Я ее подбораю волею дороги, — сказала обозный боец, — вижу, стоит и плачет. «Где твои мама?» — спрашиваю. «Мама у меня нет. Мама устала и умерла, а у меня есть кука...» Так вот и вежу сам не зная куда — подальше от войны.

— Ну вот, и эта спиртой стала! — горько сказала Ольга Марьяновна. — Чего это вы немцев на нашу землю допустили? Ты-то хоть воевала? Хоть в одном бою своей мужской характер показала?

— Вид я, мамаша, в самом первом бою двадцать второго июня. Тогда я танкистом был. Выпало на наши танки десять атак. Ну и бой разгорелся. В общем, так и танк сожгли. Немцы так и не ушли с поля — все остались на месте. Они уже стоят, дымятся подбитые, а мы все луним и луним по ним из орудий! Командир по радио кричит нам: «Хватит!» А мы не можем остановиться — снаряд за снарядом шлем в них; снаряду оставались. А терять вот как копуженного в бою сплани.

— А у меня сын тоже боец. Может, уже воюет, — сказала Ольга Марьяновна. — Значит, воевать можете, только инструментом хуже!

Ну вот и пошла — сказала обозный. — Мне вправо, так наши должны держать оборону, а вам с девочкой — туда, на Россию!..

Когда это было? Уже всему этому пора забыться, но память материнская нетленная — она верна всем погибшим, потому что для матери — все ее дети. И мертвые тоже верны этой горькой памяти.

Но Света, маленькая Света должна быть живой, ведь она, Ольга Марьяновна, прикрыла ее своим телом, когда они летели самолеты и начали стрелять и бомбить. Ведь должна остаться живой и невредимой эта девочка, еще ни в чем не виноватая перед жизнью.

А перед полетом Света хотела похоронить кукулу.

— Тети, кукулу убьют! В нее попали пуля! — и показала на дырочку в кукуле...

Каждую ночь вместе с бессонницей к Ольге Марьяновне возвращается память о тех днях, когда она брела, не зная сына, в какую сторону, пробирясь со Светой по равнине, и снова вышла к той переправе, где уже от тот раз лежал убитый командир, который в прошлый раз спрашивал у нее документы. Он лежал уже на этом берегу, под деревом, наверно, его уже успели перевезти.

Ольга Марьяновна наклонилась на всякий случай к его груди и услышала частые, тупые удары: «Так-так-так». «Жив, жив коман-

дир!» — обрадовалась Ольга Марьяновна и тут же испугалась: нет, так не должно стучать сердце.

Это стучали в нагрудном кармане командира часы, не сумевшие заменить ему сердце.

Сразу же после освобождения Марьяновна вернулась в свою деревню, вернее, на место своей деревни, потому что от нее остались только трубы и печи, а на людей — только старик Кривошлык.

— Что тут делать, Марьяновна? — спросил Кривошлык. — Я-то, понятно, и старый, и мне надобно умереть там, где мой сыновья и внуки смерть приняли. А ты? Вон видишь обгоревую вербу, так она когда-то стояла возле твоего дома.

— Я о сыне приехала узнать. Может, письма сюда напишет — те пер адрес-то есть.

— Так-то оно так, а как сначала жить начинать? Отстраиваться нужно, первую избу ставить сообща. А там люди соберутся.

На старик, обгорелых кирпичей сложил вокруг уцелевшей печи Кривошлык с Марьяновной временем, кое-как накрыл ее уцелевшими балками и жердами. Марьяновна отсыкала чей-то чудом уцелевший почтовый ящик и на нем написала: «ул. Садовая, № 1-46. Кривошлык. Громова».

— Это чтобы почтальоны знали, куда письма носить, — сказала Марьяновна.

— А ящик этот знаешь чей? — сказал Кривошлык. — Аксюткиной Лизки. Ей перек войной подарили на день рождения. Чудно! А сама Аксюткина говорила: «А зачем мне ящик? Все дети мои при мне». Сделали они дырку в нем и повесили на дерево для скворцов. А как немцы пришли, скворцы больше не прилетали: через всю войну и птицам летать, должно быть, было страшно.

«Да как же это так? — думала Марьяновна, постигая чужое, страшное горе. — Всем война дутьи показалась. Всем». И перед этой вояродной мукой ее материнская мука казалась не такой большой и нестерпимой.

Шло время, перья выпустила почки, а потом листья, потом на ней стали видны гнезда птиц. И, как эти птицы, вернулись отюдова люди. Только Коленька не пришел, и ничего от него не осталось, даже той фотокарточки, что служила Ольге Марьяновне вместо документа: как разыло Ольгу Марьяновну у переправы, должно быть, вместе с подваком оставили там, на переправе, фотокарточку санитары. И про Свету она знает тоже не много, знает, что она должна быть жива, что ее отправили в Свердловск, когда она, Ольга Марьяновна, лежала в госпитале. И давно бы отыскала ее Марьяновна, но как? Она даже фамилии не знает.

— Где ты, Света, ау?

И Ольга Марьяновна верит особо в то, что встретит еще свою Свету — ведь должно это когда-нибудь случиться, обязательно должно случиться!

Прошло уже столько лет, а Коля не вернулся, и неизвестно, живой он или без вести пропавший. Лучше бы без вести пропавший, все равно, значить, живой! Но тогда почему он о матери не вспоминает? Нет, ее Коля не такой — он бы вспоминал. А может, он и писал, только некуда было письмам идти. А что если он сильно пораженный и не хотел быть матери обузой? А может, засекреченный сильно?.. У других такое же случалось — возвращались же и те, но когда-то в упрямости, и те, кто вовсе не писал домой...

Нисколько вот беда — лица его, когда он уходил в училище, она не помнит. Все помнит лицо его еще маленького, когда он приходил с рыбалки и говорил:

— А я наловил рыбок!

Лица же, которое было на фотокарточке, не помнит, как ни хочется вспомнить, а помнится совсем другое лицо, того маленького, того совсем маленького, когда он лежал в колябелке и ловил руками солечный зайчик...

Однажды Ольга Марьяновна увидела в центральной газете портрет молодого ученого в адурт вспоминала: «Да это же вылитый мой Коленька! И Брови, и нос, и глаза, и тонкая челочка такая усмешка!». Все точно-точно. А может, это и есть Коленька? Всяко может быть! Может, он на войне памяти лишился. Я должна ему написать, чтобы он снова вспомнил...»

Тогда она села и написала письмо, где рассказала все про свою жизнь по пунктам, и тот же день Ольга Марьяновна решила ехать сама в Москву и разыскать того человека.

Прежде всего она достала из сумочки праздничной платок и кофту, которой ее препариовали к 7 Ноября, и уже в поезде вспомнила, что оставила все дома, что теперь как-то неудобно будет появиться в стареньком салоне перед тем человеком, который ее фотографировал.

«Конечно, но не Коля», — тревожно думала она, — но мне хочется только посмотреть на него. Поставить и посмотреть, и чтобы он улыбался мне, незнакомой старой женщине».

И она чувствовала, что это и так, что ей обязательно нужно увидеть этого человека, чтобы снова услышать в себе нежность и телоду материнской любви. А еще она думала о своей новой избе, о садике, который займет теперь поздним уютным двенадцатью.

Я, знаете, к снуду еду! — сказала она соседям по купе и показала портрет из газеты — он и жеманничал.

И с какой-то странной ревностью ждала Ольга Марьяновна, что скажут люди — похож или не похож на нее, и чувствовала, что теперь она не одинока любовью.

И людям было хорошо от этой немудрой материнской радости. А девушка в бровях, которая сначала вовсе не поправилась Марьяновна за то, что в бровях и курит, сказала:

— Ой, какой интересный! А правда, что он ученый?

— Конечно! — с гордостью сказала Марьяновна. — Коля с детства любит книги, прочитал много.

— А здесь написано Павел Николаевич! — сказала девушка.

— Ну, это все равно, понимаете... — растерлась Марьяновна. — Ну, как вам сказать...

Значит, внучок, — определила девушка, — вот именно, внучок, как я, дуря, но знает!

Здесь Ольга Марьяновна окончательно растерзалась и стала рассказывать о том, что Коленька маленьким называл варенье «варенка», в сички — «закваском». Теперь Марьяновна нравилась эта девушка, нравилось, что студентка, что она такая выучившаяся. И Марьяновна даже невольно думала, что хорошо бы иметь такую жеученую, как Коленька... «Правда, чуть-чуть несладкая, но зато чистая. И глаза у нее не голубые, а печально стоят на месте. И в этих думках Марьяновна забыла, что теперь ее Коленьке было бы под пятьдесят! И Марьяновна слушала ее довольно невнимательно. Но теперь эта была бы другой — не безнадёжной, было в этой боли обещание радости и надежды на то, что теперь в ее жизни будет все иначе, все, все».

— Я, знаете, никогда в Москве не была... — неожиданно разоткрылась Марьяновна — хотелось хоть чем-нибудь отплатить этим добрым знакомым, а потому хотела бы узнать не могла, то старинник мой болел — это я про старика Кривошлякова, он меня после войны у себя привозил, вроде как женился... — то еще что...

В Москве Громова отсыкала учреждение, где работала тот ученый, но его уже не было.

В передней кабинета сидела секретарша и пускала по стене зайчиков. Занятие это, ее, по-видимому, забавляло.

— А вам захват Павел Николаевич? — спросила Ольга Марьяновна секретаршу, перестав следить за зайчиками.

И что... — тут Ольга Марьяновна запнулась... — родственника. Скажите, как он предует, что была родственница и желает ему счастья и здоровья.

— А может быть, вы довел и некому скიდите? Квартира его недалеко. Может статься, что Павел Николаевич вернулся, да и Марина Михайловна будет как рада.

— Ну да, жена Павла Николаевича! — сказала секретарша и направила зеркальцем солнечный зайчик в окно напротив.

Оттуда появилось улыбающееся молодое лицо.

— Скажите, что посетительница сморгнет с удивлением на нее, секретарша сказала: — и сотрудник знает, что его вызывают. Ну, как, решили идти?

— Нет, нет! Это совсем не нужно... — сказала растерянно Ольга Марьяновна, — я, знаете ли, проведом. Я потом зайду как-нибудь, а потом...

И она вышла из кабинета, унося на спине белого солнечного зайчика.

На земле стояла утренние холода, пахнувшие землянкой. И над Москвой стояла чистая, сквозная погода, а в окнах многоэтажных домов искрилась в дело, сверкала сверкала солнечная дуга.

Теперь Ольге Марьяновне расхотелось видеть того ученого: а вдруг что-то чудное, незнакомое вторгнется в ее жизнь, а вдруг он окажется совсем иным и невозможным на Коленьку? Марьяновна чувствовала, что такую утрату ей не пережить.

Ольга Марьяновна шла по улице и узнавала в прохожих своего Коленьку — все они, пожимые и молодые люди, были ее сыновьями, которых она должна была беречь своей нежностью и почтливо. У каждого из них было что-то от ее сына — то робкая смешинка, злостью между губ, то беспомышленный Коленькин наклон головы, то по-мальчишески восторженные улыбки. А еще она искала на Савулу на ту девочку с убитой куколкой. И она знала, что и ее Коля и тот молодой командир с переправы — все они живы до сих пор, потому что все они вместе — ее парни, ее жизнь и мужество было и вся русская земля.

Так и живет Ольга Марьяновна Громова в деревеньке, в сосновой избе под сосновой чистой погодой. И все лето земля — ее сыновья.

Аркадий ГАЛНСКИЙ

Если вы следите за информацией, которой время от времени делится с нами спортивно-техническая комиссия Федерации футбола СССР, то, конечно, помните, что подводя итоги прошлогогоднего чемпионата страны, она признала и грустными выводу: «Дисциплина снизилась по всем показателям». Впрочем, есть основания полагать, что снизилась она «во всем показателе». И только в футболе. Нет, такое происходит и в гандболе и в баскетболе, но говоря уже о волею волю, которое в этом смысле давно является притчей во языцех.

Еще в 1966 году помню, корреспондент «Советского спорта» Д. Рыжков обратился и тренером наших ведущих гандбольных команд, возмущенный тем, что, возможно, ни сколько-нибудь продуктивные действия гандболистов при условии соблюдения ими всех правил игры. Ответом ему было емкое выражение «нет», «И действительно», — писал Рыжков (в прошлом сам хороши гандболист), — игрок, который бы не только соперника, не применяя захвата и силовых приемов, не нашел бы сейчас места ни в одной из команд высшей лиги».

Что побуждает, однако, гандболистов — столь часто — и совершенно предвзято — нарушать правила игры? Специалисты и observers часто упоминают на несвершение самих правил. Иными словами, надето на тут во многом складывает на впролом (в прошлом году на страницах «Смены» мы, думается, вполне доказали, что тот, кто не умеет в водном поло вести местной и доводной борьбы, категорически запрещенной правилами протеста не играть).

Омешение силовой борьбы накладывается в последние годы в баскетболе «СД» ко всему, баскетболист стритится стать хоккеистом! — прочла я в одной из спортивных газет, узнав из него полотно, что М. Пауласис в матче СД с «Металлом» был самым грубейшим образом сбит с ног, а другой игрок, А. Николаев, оказавшись на площадке, не только не вылетел, а даже привлек внимание любителей спорта. Начало нынешнего сезона было и гандболу, и баскетболу с тенденцией на то, что нарушения эти спортивной борьбы на объектах поля объявляла накомичто решительнейшей борьбой. И вот теперь! На этот раз настраивался совершенно недисциплинированные заявления правителей Федерации футбола, что на старте сезона было отмечено как будто несколько больше, чем в прежние

годы, количество удалений и предупреждений.

«Должен сказать, что такое повышение уровня судейства не случайно», — размышлял о происходящем председатель Федерации В. Гранатинин. — «Это прямое следствие нашей политики... Это не намалния, не элиз... Это наша линия. Можем ли мы остановиться в том, что намерения Федерации именно таковы? Это же желание (циркулю дословно) «включить» всеиний либерализм» и призыв и судьями «не бояться переигнуть палку борьбы с грубостью» были не смущены искренности! Конечно, нет.

Но почему же в таком случае не дисциплинированное поведение футболистов (по преимуществу за защитными линиями) вошло в свое привычное русло еще весной? Отчего уже в ту пору тренер сборной Г. Качалин сетовал на серьезность травм, полученных многими игроками от оборонных игр игроков?»

Канто в мае, после календарного матча между союзными «Динамо» и ЦСКА, тренеры дали пресс-конференцию спортивным журналистам. Сюда, в платиновые небеса Лукиндра, попал известный обозреватель И. — и му задасть вопрос: У тренера «Динамо» И. Бескова он, в частности, спросил, отчего динамовский защитник М. Семенов сбил или вовсе раз бил по ногам нападающего армянцев В. Дударенко. Бесков пояснил футбольному сообществу, что Семенов наделил пережить армянцев, команды второй лиги и не имеет ее достаточной квалификации, чтобы ополчилось противостоятся такому техникуму и быстрому форварду как Дударенко. Но легендарный объяснение не удовлетворило му тренер разрешает Семенову пользоваться подобными приемами. Спортивные журналисты всемо переаггировались, и тогда Бесков, понав लेकर, сказал, что Семенов привага к нему без злого умысла. Просто влетел, не послав, он попадал именно мяча по голове.

Вполне допустимо, что на сей раз мы действительно имеем дело о невымышленной футбольке. Тем более что в последние годы в армянском «Риварь» футбол, конечно же, не поощряется такие действия. Но судья матери А. Табанов, очко отчего мырало Семенову? Ведь правила игры, которые судьям должны присутствовать, как за систематическое повторение таких ошибок — с поля! Кто-нибудь спросит: но почему же Семенов их просто не замечал? Увы, все семь или восемь раз он выдал предупреждения, а команда «Динамо» за однорядные ошибки Семенов штрафными ударами. А Табанов, очко отчего мырало Семенову? Ведь правила игры, которые судьям должны присутствовать, как за систематическое повторение таких ошибок — с поля! Кто-нибудь спросит: но почему же Семенов их просто не замечал? Увы, все семь или восемь раз он выдал предупреждения, а команда «Динамо» за однорядные ошибки Семенов штрафными ударами. А Табанов, очко отчего мырало Семенову? Ведь правила игры, которые судьям должны присутствовать, как за систематическое повторение таких ошибок — с поля! Кто-нибудь спросит: но почему же Семенов их просто не замечал? Увы, в точности, как в ситуации с Семеновым: щепля по мячу, а по-

да по ногам. «Но если вы целили по ногам и попадали по ним» — замечал тогда у себя подруга Лариса Федулова: «А вот предвремений, умышленный удар соперника — это это, именно это и является футбольным фокусом. Только одно — воик с полки и автоматическая фиксация на мнереорко количестве итрг.

Таковы правила футбола. А теперь давайте проведем вдумчивую процедуру, небольшую историю, которую вы бы знали бы наверняка, может быть, лучше частичное образование в прессе. В конце мая, после кубкового матча в Москве, между «Динамо» и «Нефтьчк», я зашел в судейскую комнату и увидел, что там находятся А. Леонтьев, интервировавший арбитра Е. Хариса. Последний сидел за столом, а Леонтьев, в основном, предлагая прередание игроку «Нефтьчк» М. Зейналова, был уверен, что этот игрок, Леонтьев, собственно, осведомился, как расценивать сулая эт поступок.

«Может быть, вы осведомлены об ответствии Хариса. Я заметил, заметил поначем, спросил: — Но разве Зейналова не следовало такому случае, согласно правилам, удалит с поля?»

«Хариса вывели с головы от протокола, невозможности ответа!»

«Я не сделал этого, увидел, что Зейналов уже голову от протокола, невозможности ответа!»

«Хорошо. Хорошо в моральном отношении».

Однако квинтэссенция этого маленькой истории мы находим в футбольно-публицистическую комиссию, судящие один из руководящих команд «Динамо» в чемпионате СССР, в протокол, прочтывающему сказал Хариску:

«... правильно. От души спасибо».

«... помните, за что сказали бы судье эти проинигованные слова? Из каких случаев вы взяли?»

«... именно, А. Савишевский и в Семиглазове днем раньше были дисциплинарно наказаны за нарушение правил игры — условно (за проступки, совершаемые в процессе проведения игр), и таким образом мысленно прочтывающему Хариску рассказана на лице своего сабажора, а не на лице своих неприятельях.»

... всего проходит сегодня неземными. Читатель скажет: «Хорошо, но почему бы не подвести итог?»

«Изоляте. Возьмите списки арбитров высшей лиги и читайте его в обратном порядке от последнего Андрейко до Яблокова.»

«Но вот вопрос: если Федерация футбола СССР решительно против выполнения своих функций, то почему не реализовала, то на чем же в таком случае основано предложение о введении ее в прямые установам, наконец, к самим правилам игры?»

«Может быть, безнадёжно устарели сами правила футбола, в которых, быть может, и в габарите или водном поле и А ступил, как говорит, в канюлят».

«... не утверждать ни один специалист, что не было бы разумно (если вы не обременены какими-либо понятием соотношения), в общем, и не было бы разумно (если вы не обременены какими-либо понятием соотношения), в общем, и не было бы разумно (если вы не обременены какими-либо понятием соотношения), в общем, и не было бы разумно».

«... не было бы разумно (если вы не обременены какими-либо понятием соотношения), в общем, и не было бы разумно (если вы не обременены какими-либо понятием соотношения), в общем, и не было бы разумно (если вы не обременены какими-либо понятием соотношения), в общем, и не было бы разумно».

«... не было бы разумно (если вы не обременены какими-либо понятием соотношения), в общем, и не было бы разумно (если вы не обременены какими-либо понятием соотношения), в общем, и не было бы разумно (если вы не обременены какими-либо понятием соотношения), в общем, и не было бы разумно».

«... не было бы разумно (если вы не обременены какими-либо понятием соотношения), в общем, и не было бы разумно (если вы не обременены какими-либо понятием соотношения), в общем, и не было бы разумно (если вы не обременены какими-либо понятием соотношения), в общем, и не было бы разумно».

«... не было бы разумно (если вы не обременены какими-либо понятием соотношения), в общем, и не было бы разумно (если вы не обременены какими-либо понятием соотношения), в общем, и не было бы разумно (если вы не обременены какими-либо понятием соотношения), в общем, и не было бы разумно».

«... не было бы разумно (если вы не обременены какими-либо понятием соотношения), в общем, и не было бы разумно (если вы не обременены какими-либо понятием соотношения), в общем, и не было бы разумно (если вы не обременены какими-либо понятием соотношения), в общем, и не было бы разумно».

«... не было бы разумно (если вы не обременены какими-либо понятием соотношения), в общем, и не было бы разумно (если вы не обременены какими-либо понятием соотношения), в общем, и не было бы разумно (если вы не обременены какими-либо понятием соотношения), в общем, и не было бы разумно».

... «Хорошо, но почему бы не подвести итог?»

«Изоляте. Возьмите списки арбитров высшей лиги и читайте его в обратном порядке от последнего Андрейко до Яблокова.»

«Но вот вопрос: если Федерация футбола СССР решительно против выполнения своих функций, то почему не реализовала, то на чем же в таком случае основано предложение о введении ее в прямые установам, наконец, к самим правилам игры?»

«Может быть, безнадёжно устарели сами правила футбола, в которых, быть может, и в габарите или водном поле и А ступил, как говорит, в канюлят».

«... не утверждать ни один специалист, что не было бы разумно (если вы не обременены какими-либо понятием соотношения), в общем, и не было бы разумно (если вы не обременены какими-либо понятием соотношения), в общем, и не было бы разумно (если вы не обременены какими-либо понятием соотношения), в общем, и не было бы разумно».

«... не было бы разумно (если вы не обременены какими-либо понятием соотношения), в общем, и не было бы разумно (если вы не обременены какими-либо понятием соотношения), в общем, и не было бы разумно (если вы не обременены какими-либо понятием соотношения), в общем, и не было бы разумно».

«... не было бы разумно (если вы не обременены какими-либо понятием соотношения), в общем, и не было бы разумно (если вы не обременены какими-либо понятием соотношения), в общем, и не было бы разумно (если вы не обременены какими-либо понятием соотношения), в общем, и не было бы разумно».

«... не было бы разумно (если вы не обременены какими-либо понятием соотношения), в общем, и не было бы разумно (если вы не обременены какими-либо понятием соотношения), в общем, и не было бы разумно (если вы не обременены какими-либо понятием соотношения), в общем, и не было бы разумно».

«... не было бы разумно (если вы не обременены какими-либо понятием соотношения), в общем, и не было бы разумно (если вы не обременены какими-либо понятием соотношения), в общем, и не было бы разумно (если вы не обременены какими-либо понятием соотношения), в общем, и не было бы разумно».

... «Хорошо, но почему бы не подвести итог?»

«Изоляте. Возьмите списки арбитров высшей лиги и читайте его в обратном порядке от последнего Андрейко до Яблокова.»

«Но вот вопрос: если Федерация футбола СССР решительно против выполнения своих функций, то почему не реализовала, то на чем же в таком случае основано предложение о введении ее в прямые установам, наконец, к самим правилам игры?»

«Может быть, безнадёжно устарели сами правила футбола, в которых, быть может, и в габарите или водном поле и А ступил, как говорит, в канюлят».

«... не утверждать ни один специалист, что не было бы разумно (если вы не обременены какими-либо понятием соотношения), в общем, и не было бы разумно (если вы не обременены какими-либо понятием соотношения), в общем, и не было бы разумно (если вы не обременены какими-либо понятием соотношения), в общем, и не было бы разумно».

«... не было бы разумно (если вы не обременены какими-либо понятием соотношения), в общем, и не было бы разумно (если вы не обременены какими-либо понятием соотношения), в общем, и не было бы разумно (если вы не обременены какими-либо понятием соотношения), в общем, и не было бы разумно».

«... не было бы разумно (если вы не обременены какими-либо понятием соотношения), в общем, и не было бы разумно (если вы не обременены какими-либо понятием соотношения), в общем, и не было бы разумно (если вы не обременены какими-либо понятием соотношения), в общем, и не было бы разумно».

«... не было бы разумно (если вы не обременены какими-либо понятием соотношения), в общем, и не было бы разумно (если вы не обременены какими-либо понятием соотношения), в общем, и не было бы разумно (если вы не обременены какими-либо понятием соотношения), в общем, и не было бы разумно».

«... не было бы разумно (если вы не обременены какими-либо понятием соотношения), в общем, и не было бы разумно (если вы не обременены какими-либо понятием соотношения), в общем, и не было бы разумно (если вы не обременены какими-либо понятием соотношения), в общем, и не было бы разумно».

**МИР
МОЛОДОСТИ**

В РАБОТАХ
ФОТОМАСТЕРОВ

ХАНОМ, ВПРОВЛЕННЫМ

Фото Геннадия КОПОСОВА

25-ЛЕТИЮ ПОЛЬСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ ПОСВЯЩАЕТСЯ

АВГУСТОВСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

ПО СТРАНИЦАМ
ПОЛЬСКИХ ЖУРНАЛОВ

1. ПРОМЫШЛЕННОСТЬ
НА ПОДЪЕМЕ
2. ШКОЛА АКТИВНЫХ
ГРАЖДАН
3. ЭСТАФЕТА РАБОЧИХ
ПОКОЛЕНИЙ
4. СЛЕТ ОСВЕНЦИМСКИХ
ДЕТЕЙ
5. БЮСТ ШОПЕНА —
ДАР НАРОДУ-БРАТУ
6. ЕСЛИ БЫ Я ПОЛУЧИЛ
ТЫСЯЧУ ЗЛОТЫХ!
7. НОВАЯ РОЛЬ
МОЛОДОЙ АКТРИСЫ
8. МЕДИЦИНА,
КАКОЙ НЕ БЫЛО
9. УНИВЕРСИТЕТСКИЕ
АТОМНЫЕ РЕАКТОРЫ
10. САНАТОРИЙ
ПОД ЗЕМЛЕЙ
11. «ВАНДА» УКРАШАЕТ
СЕМЕЙНЫЙ ОЧАГ
12. ЗА ПАРТАМИ —
БУДУЩЕЕ МОРЯКИ
13. ЛОДКА В ОГНЕ

Материалы перепечатываются с
сокращениями или в изложении.

1.

За послевоенный период народная Польша нараскочдала на всестороннее развитие страны астрономическую цифру — свыше двух триллионов злотых, в том числе 40 процентов ушло на подъем промышленности. В нынешнем году объем промышленной продукции Польши в 13 раз превышает довоенный уровень. А по окончании текущей пятилетки — в 1970 году — польская промышленность будет выпускать продукции уже в 15 раз больше, чем в 1939 году. К 1970 году народная Польша достигнет по выпуску промышленной продукции на душу населения уровня индустриально развитых стран Западной Европы. За четверть века страна достигла того, на что капиталистическим государствам потребовались десятилетия, а то и сотни лет.

В период 1950—1960 годов в стране развились такие отрасли, как, например, выплавка высококачественных сталей, меди и алюминия. Металлургия, а также развитие энергетики и топливно-добывающей промышленности явились основой для роста машиностроения, в том числе тяжелого, турбостроения, оборудования для металлургии и химической индустрии.

Совершенно новыми отраслями явились судостроение, производство моторов, тракторов, строительных машин, электротехническая промышленность. Широкое развитие получило производство различных видов химических изделий — фармацевтических, пластмасс, синтетических волокон.

До войны удельный вес домостроительной индустрии составлял едва 8,6 процента всей промышленной продукции тогдашней Польши. До 1965 года продукция этой отрасли увеличилась в 30 раз и составила 25 процентов всей промышленной продукции того года. За эти знаменательные 25 лет в стране фактически произошла промышленная революция.

«ПОЗНАЯ СВОЙ КРАЙ»

2.

В июне состоялось общепольское совещание актива Союза социалистической молодежи. В ходе его работы был составлен план работы комитетов по работе с молодежью на ближайшие годы. Своей главной задачей Союз социалистической молодежи считает так воспитывать молодежь и действовать в ее интересах, чтобы она активно и планомерно участвовала в работе государственных и общественных организаций. Молодой строитель социализма должен глубоко выражать и отстаивать интересы социалистической и линии коммунистической партии. «Воспитываться, чтобы знать, понимать и действовать — таков лозунг для каждого члена Союза».

Выступивший на совещании вице-президент Союза Анджей Майковский подчеркнул: «В процессе формирования мировоззрения молодежи мы должны делать это на конкретных личных образцах, примерах, показывающих характер нашего времени, выражающего в общественной и профессиональной работе свое антикоммунистическое положение, бескомпромиссную позицию со злом, творческое участие в повседневном труде, в добросовестном выполнении своих заданий. Мы должны называть образцы героев, всегда готовых пометать себя во имя коммунистических убеждений, героев, сочетающих в своей деятельности научное изобретение с добросовестной работой, с сознательной ответственностью за свое предприятие, цехом или министром, а прежде всего за судьбу страны, за эффективность практической реализации задач коммунистического строительства».

«ДОКОЛО ШВЯТА»

3.

В глубь вояк уходит рабоче-традиция силезских горняков. Для многих семей, живущих в Силезском бассейне, традиционным экспортером угля, стали тавиния жес ропьяны, как и их дома.

История семьи Павла Осепки — типичное тому подтверждение. Всею своим трудовую жизнь Павел Осепка работал на шахте «Матильда». Там же, где и его отец. А сын Павла Ян Осепка окончивает политехнический институт, чтобы стать горным инженером по электрооборудованию. В этом значимое новое изменение: новая техника требует хорошо подготовленных специалистов. Характерно, что в этом году в Польше насчитывалось более 300 тысяч студентов по специальности с 50 тысячами в 1957/58 году.

НА СНИМКЕ: Павел и Ян Осепки.

«ПОЛЗНИ»

4.

Недавно в Освенциме состоялась всепольская встреча освенцимских детей — бывших узников страшного гитлеровского лагеря.

В январе 1945 года, когда Советская Армия вступила в Освенцим — Бжезинку, среди оставшихся в лагере находилась группа самых юных узников этого лагеря — примерно 200 оставшихся детей-теней. Не удалось установить со всей точностью, сколько детей погибло в Освенциме. Известно, что значительная часть ребят подвергалась преступным псевдомедицинским экспериментам, которыми занимался матерый фашистский преступник доктор Менгеле, до сих пор живущий на свободе.

Судьбу польских детей в годы гитлеровской оккупации наиболее красноречиво иллюстрируют цифры: за годы войны погибло 1 800 тысяч детей, причем не малая доля детей этого скорбного перечня приходится на освенцимский лагерь смерти.

Участники встречи, организованной Союзом борцов за свободу и демократию, обратили внимание на массовый характер преступлений, совершенных по отношению к их ровесникам: в этом крупнейшем дагере смерти. В будущем году, в 25-ю годовщину освобождения Освенцима, должна состояться международная встреча детей — бывших узников Освенцима и других гитлеровских лагерей смерти.

«ПОЛЬСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ»

5.

Известный советский скульптор Екатерина Белошова закончила недавно работу над бюстом великого польского композитора Фредерика Шопена. Свое произведение Е. Белошова передала в дар польскому народу в честь 25-летия народной Польши.

Скульптура была вручена после ПНР в СССР Я. Пtasинскому во время Лета польской культуры в СССР. Она будет установлена в одном из мест, связанных с жизнью и творчеством Ф. Шопена.

«СТОЛИЦА»

6.

Молодежная газета «Штангар млоды» вместе с журналом «Огни» провела среди молодежи анкету на тему «Если бы я получил тысячу злотых, на что бы я их израсходовал?». Вот итоги этого опроса.

Со всех концов страны поступило около 2 600 ответов, в подавляющем числе от молодых людей преимущественно со средним образованием. Вспомогательными и от 475 женщин и девушек, также в основном со средним образованием. Наибольший интерес анкета вызвала среди молодежи в возрасте от 21 до 27 лет. Поинтересовались, среди молодых рабочих и служащих с еще относительно невысокими заработками. Любопытно, что 50 процентов ответивших на анкету сообщили, что все немедленно «скальмываюся» на них сумму или по крайней мере значительную часть ее израсходуют на покупку книг.

4.

Второе место (около трети всех ответов) занимает желание за счет taxa денег увеличить свое сбережения. Среди сторонников сбережения преобладают женщины. И третьим местом — желание приобрести (свыше трети опрошенных женщины и четверть мужчины) — 16 процентов (и женщины и мужчины) интересуются бы несомненно тысячу долларов на туризм. И только 23 человека из 2 800 сообщают, что они бы трату тысячу употребили на «личные расходы» или приятно проведенный вечер в ресторане.

Интересно бы, конечно, знать, в какой степени эти ответы отражают истинное положение дел с бюджетом молодежи. Можно предположить, что в анкете приняли участие молодые люди, серьезно относящиеся к жизни и интересующиеся отнюдь не ресторанными развлечениями.

На что больше всего молодежь расходует свои заработки после необходимых затрат на еду, одежду и жилье?

Тут первое место занимают расходы на посещение кинотеатров. Далее следуют расходы на питание, магнитофоны, ленты, туризм, а среди мужчин в особенности — на спортивные мероприятия.

Замечательны проявления хозяйственности среди молодых людей, только еще вступающих в трудовую жизнь и недавно начавших получать самостоятельные заработанные деньги. Только 183 мужчины и 61 женщина ничего из своего заработка не откладывают в сбережения. Из 2 800 опрошенных 1 500 являются владельцами сбережений.

«ОПШИНА»

7.

В Кракове и Познани — первые в Польше — начеено соорудить атомные реакторы, предназначенные для учебных целей. Проект «университетский реактор» разрабатывает высшее научно-технологическое бюро ядерной энергии — Проектный институт. Установок — 100 шт. На них будут проводить эксперименты научные работники и студенты Краковской горно-металлургической академии и Познанского политехнического института. Реакторы смогут вырабатывать радиоактивные изотопы для нужд различных предприятий.

«ВЕСТНИК ПОЛЬСКОГО ЭКОНОМИКИ»

Знаменитые подземные пещеры в Величе, неподалеку от Кракова, пользуются мировой известностью. Здесь начали добывать из-под земли соль. Существует легенда, что Краков построен на величской соли. Во всяком случае, средств от продажи этой соли в свое время на содержание королевской армии и выплаты жалования профессору Гданьского университета, известного также под названием Нидерландского университета, в настоящее время солины успели много музеев. Подземные пещеры являют собой величественное зрелище. Здесь есть и громадные залежи чистой соли, и поразительно чистые слои, и пещеры-останки, похожие на пилотажные школы, выполненные из соли. В результате естественной эрозии в пещерах собраны широкие орудия труда горняков, добывавших здесь соль, — последовательные кадьялы и инструменты, выполненные из соли.

Впечатляют и размеры пещер: протяженность их составляет около 200 километров, уходящих в глубины на полкилометра.

Но главное богатство пещер — это соль, а точнее — вода. Еще в прошлом веке доктор Бочковский обратил внимание на то, что работавшие в пещерах горняки никогда не страдают астмой, а другие стали чувствовать себя значительно лучше.

Теперь стали наши дни лечебница для сотен больных.

деятельности легких. Это и послужило причиной для основания в Величе подземного санатория.

До настоящего времени около двух тысяч людей, страдающих астмой, прошли курс лечения в пещерах. Результаты неизменно были удовлетворительными. Многие из больных вылечились совершенно, а другие стали чувствовать себя значительно лучше.

Теперь стали наши дни лечебница для сотен больных.

«НАША ОПШИНА»

11.

Многие иностранцы считают, что оборудование квартиры нужно начинать с семейного очага — кухни. Вот тут-то им и поможет и пригодится Вольфгангская фабрика — крупнейшая в Польше производитель наборов кухонной мебели. Фирменное имя наборов — «Винд». Это хорошо известно не только в ПНР, но и за ее пределами, в том числе и Советском Союзе. Работники фабрики внимательно следят за новинками в планировке квартир, изменяя при этом размеры наборов, чтобы выпускать наборы мебели, максимально удобные для жильцов. Вот и на этом снимке вы видите, как они выбирают наиболее удачный вариант для кухни определенного размера.

«ПОЛЬША»

12.

В довоенной Польше, кроме Гданьского морского училища, не было ни одного учебного заведения.

На главном богатстве пещер — это соль, а точнее — вода. Еще в прошлом веке доктор Бочковский обратил внимание на то, что работавшие в пещерах горняки никогда не страдают астмой, а другие стали чувствовать себя значительно лучше.

Теперь стали наши дни лечебница для сотен больных.

Училища, которое выпускало бы специалистов по морскому хозяйству. В настоящее время в стране существует шесть вузов, подготавливающих кадры для морского флота. Обучение специалистов для разных отраслей морского хозяйства ведет министерства просвещения и судоходства.

Только два вуза — Гданьский политехнический институт и Сопотский высший эскадренный училища — существуют за 25 лет существования ПНР около пяти тысяч специалистов.

Кроме того, в ведении министерства судоходства находится 20 средних морских школ, а также Гданьская и Щецинская высшие морские школы. С 1945 по 1968 год эти две последние училища выпустили за 25 лет существования ПНР около пяти тысяч специалистов.

Кроме того, в ведении министерства судоходства недавно создано 2 техникума и 10 профессиональных школ для рабочей молодежи.

«СОВРЕМЕННАЯ ПОЛЬША»

13.

В гавани небольшого польского порта на Балтийском море Устка недавно были проведены испытания спасательной лодки, предназначенной для команд таннеров. Поскольку в случае пожара таннер часто оказывается среди моря, огонь, корпус спасательной лодки должен быть достаточно герметичным и жаростойким. Для того, чтобы обеспечить выживание людей в пламени, горящей нефти, создатели — группа сотрудников судостроительного отделения Гданьского технического университета — разработали новые принципы защиты от огня. В корпус лодки вмонтированы десяти специальные разрыватели, содержащих над ней своеобразное «покрытие» из воды, которая подается мощной помпой из дна лодки.

Для испытаний был сооружен специальный плавающий бассейн, в который вылили 28 тонн сырой нефти. После того как лодку поместили в бассейн, нефть подожгли. Чтобы не рисковать в первых испытаниях жизнью людей, управление судном осуществлялось на расстоянии.

Испытания прошли успешно. Температура внутри лодки, находившейся в 1960-градусном пламени нефти, не превысила 45 градусов по Цельсию.

Польша является шестой страной в мире, начинающей серийное производство спасательных лодок для таннеров.

НА СНИМКЕ: спасательная лодка перед испытаниями.

«ПОЛИШ РЕВЬЮ»

Молодая актриса Варшавского драматического театра Магдалена Завадзка сыграла главную женскую роль в фильме «Пан Болодзиский», пользующемся большой популярностью в стране.

«МАГАЗИН ФИЛЬМОВ»

ВИЖУ

Сердце прибора — преобразователь излучений.

Густая черная краска не смогла скрыть от наших глаз изображение девичьего лица. Лучи рентгеновского аппарата сделали фотографию снова видимой.

Фото Владимира ЧЕИШВИЛИ

Криминалисты и прошлогодний снег

Когда криминалисты явились в Институт интроскопии, они потребовали невозможного: помочь им увидеть... прошлое!

На тонкой металлической пластине, грубо изуродованной чьими-то руками, нужно было прочесть надпись. Но надписи не было. Слой металла с выгравированными на нем знаками был обобран зубками напильника. А в блещущей россыпи сплюсн заков информации!

И все же ее нужно извлечь во то бы то ни стало, настаивали последователи Шерлока Холмса. Это единственный шанс поймать преступника, посягнувшего они. Они верили в невозможное...

Научные сотрудники инженеры в технике института тоже верили в невозможное, ибо они творили его сами. Они умели видеть невозможное: то, что, казалось бы, надлежит скрыть пленкой непрозрачности от глаз человека. Но видеть прошлое?

— Попроbum, — уклончиво ответили они. Но что это, как не поиски прошлогоднего снега? Снег был — и растаял. Надпись была — и исчезла. Но прошлое осталось! Правда? Не всегда, конечно, но почему бы не поискать их? Нужно найти лишь достойных разведчиков, и тогда следы прошлого станут всего лишь следами недавними. А видеть невозможное — прямая задача института.

«Не верь глазам своим!»

В руках у меня — кусок грязного, густо запыленного черными чернилами картона. Я верну

И что окончательно поражает — это блики. Яркие зеленые блики, будто солнце играет вietroвую морской воде! Блики, заставшие на фигурках, опущенных в музет... Да, это все же музет! И берусь правой рукой за подставку, осторожно поднимаю ее — жаркий музет нехотя стекает со значка, грифельника и с длинной металлической пластинки. Но стоит опустить подставку обратно и рассмотреть блики с музетом не прямо, а отодвинувшись, несколько со стороны, и вновь музет приобретает свойства невзрачной для него прозрачности. И можно опустить в него любую фигуру, вплоть до самых совершенных часов (если вам их не жалко), и вы сможете разглядывать их так, как если бы вы опустили эти предметы в тонкий стакан со светло-зеленой водой.

Мало того, вы можете поворачивать подставку с предметами в музет, и солнечные блики оживут вместе с ним, переливаясь зелеными огоньками!

В чем же загадка этих чудесных явлений, когда непрозрачное становится прозрачным, видимым — невидимым!

Лучи-разведчики и сердце интроскопа

Секрет загадочных волшебных превращений прост.

Я смотрю на светло-зеленый светящийся экран небольшого прибора, именуемого интроскопом, и вижу на нем «чуждым» приближением света тонкую черную краску лишь дуплика. На нем же я наблюдаю и предметы в банке с музетом.

Интроскоп — это в первом варианте небольшой черный ящик, волшебные свойства которого вы обнаружите сразу же, стоит лишь вам его

Виктор ПОВОПКИН

НЕВИДИМОСТЬ

«Сегодня, как никогда раньше, мы ощущаем границы наших чувств... Мы слышим пронзительный крик пантера, но не удаляется эко-сигналов отходящей летучей мыши. Мы восхищаемся криком розой, но не можем воспринять эко-ультрафиолетовых отражений — увидеть глазами плесни. Наша кожа ничего не рассказывает нам о тонкой чувствительности мимолет, воспринимающей электричество, хотя мы и реагируем на сильные разряды скатов. Мы можем ощутить жаркие излучения горящей пещеры, но не те слабые лучи, которые помогают змеям находить в темноте свою жертву.»

«Возможно, на какое-то мгновение мы и почувствуем себя обделенными... Но мы снова обретем уверенность, осознав, что ни одно животное не превосходит нас в богатстве своего сенсорного мира: ни одно животное, кроме человека, не добудь масло до того, чтобы использовать сенсорный опыт других существ, как это делают мы... Расширяя границы наших чувств, мы тем самым расширяем пределы нашей собственной жизни.»

М. А. МЛЕН. ЧУВСТВА ЖИВОТНЫХ И ЧЕЛОВЕКА.

его, недоумевая: кому понадобился столь неважные упражнения в художестве? Внешне лист картона похож на историческую открытку... Стало его обратно на подставку, с которой его сняли, чтобы показать мне. И неожиданно, словно по мановению волшебной палочки, он оживает, и в ярком свете зеленого солнца прорывается в мир озаренное доброй улыбкой лицо дуплика! Просто не верится! Значит, это фотографии? Цветная?

Невольно бросаю взгляд за «ожившую» фотографию, перед нею: никакого фокуса?

Нет, это не вымышленный фокус и не подделка. Я действительно вижу изображение, представляющее закрашенное чье-то рукой, скрытое от глаз человека. Но вот ожившая фотография снова в моих руках, и... вновь она лишь маляринометаллический, заматый черным глянцем обрзок картона! Подношу его к глазам, подожу ближе к лицу, пытаюсь разглядеть на свет... Тщетно!

Говорит, что эта обезличенная открытка действительно была не так давно фотографией дуплика. Но она не цветная, а черно-белая. И если попытаться соскоблить черную краску, то неизбежно еще, удастся ли восстановить изображение, не повредит его. Скорее не удастся...

Да, но почему же в свете солнечных зеленых лучей? И потом — солнце светит в отличие от стекла «Волшебных Изумрудного города» стеклянных зеленых очков мне здесь никто не прядал...»

И все же разве не волшебные превращения происходит здесь же, на моих глазах, с черноватым музетом в круглой стеклянной банке? Неприятноглядя на вид, жидкость смешивает музет прозрачной, с непередаваемым изумрудным оттенком, будто только что выbranной из морских глубин воды! И в ней, оказывается, на тонких проволочках подвешены цилиндричные дольки флюоресцентного, полиморфная стальная пластинка с выгравированной надписью, необыкновенно чистый грифельник... Надпись на пластинке читается четко, как строка в журнале: «Вы смотрите первые опыты по интроскопии».

поставить между собой и объектом ваших наблюдений.

А сердце интроскопа я могу подержать в руках. Только осторожно: оно хрупкое и может разбиться... Сердце из стекла. Это запаянный с обеих сторон стеклянный цилиндрик, вполне уменьшенный на длину. Но риск разбить его невелик и потому, что стеклянные стенки испытывают давление в одну атмосферу; воздух из цилиндрика откачан до вакуума. Находящийся в нем воздух сделан бы невозможным работу электрона, занятых «переводом» невидимого изображения в видимый.

Как же работает интроскоп?

Интроскоп как прибор включает в себя несколько устройств. В простейшем случае это «сердце» прибора, иди, точнее, электронно-оптический преобразователь (сокращенно ЭОП), затем объектив для фокусировки изображения и источник невидимых лучей, лучей-разведчиков.

Помните, как получается фотографии? Намекая объектив фотоаппарата на избранный вами объект и добившись резкости изображения, вы шедевром автора фиксируете его на плёнке. Но изображение, по существу, на плёнке есть нет, оно невидимо; чтобы оно стало реальным, его надо проявить. После этого с негатива печатается на плёнке или бумаге повторное изображение.

С интроскопом все обстоит иначе и сложнее. Здесь вы избавлены от «жидких процедур», от возни с проявителем и закрепителем. Вам не нужно беспокоиться даже о плёнке: невидимое изображение происходит перед вашими глазами «проявлением».

Но в том-то и дело, что вы фотографируете обычно видимое вам изображение. А здесь, в интроскопе, изображение невидимо с самого начала. Надо его «раздобыть» его. Это человек получает лучами-разведчиками, которые способны преодолевать любые преграды.

Но где взять эти таинственные лучи, обладающие столь чудотворной силой проникновения в мир невидимого?

Они среди нас.

Закройте черным, непрозрачным для света куском стекла обыкновенную лампочку, спрятанную в серебристом куполе отражающая столь же обыкновенной настольной лампы. Вы увидите на стекле необыкновенных лучей толпы! Это тепловой луч — луч инфракрасного диапазона. Он пройдет сквозь слой застывших чернил, как сквозь стекло, и коснется спрятанной лампочки. Вы увидите, как выключит его из черного пламена непрозрачность. И, оставаясь по-прежнему невидимым, вернется обратно, к человеку, но уже не один, а с «сестрой» сияющей копией изображения. Эту копию, сфокусировав объективом или фокусирующей линзой, мы «сдвинули» в приемное око преобразователя. А у преобразователя займется проявлением невидимого изображения, переводом его на язык видимых глазу космических лучей.

«Интроскопия» — это слово происходит от соединения двух греческих: «интро» — внутри, «скоп» — вижу. Таким образом, дословно «интроскопия» означает «внутривидение». Видение внутри непрозрачных сред, материалов, явлений, происходящих процессов и явлений. Инфракрасные излучения — лишь один из многочисленных видов лучей-разведчиков, позволяющих человеку заглянуть внутрь, что и позволяла ему в течение всего мир невидимого, познавать, не вскрывая его.

Электронно-переводчики берут на себя роль посредника в этой процедуре. Выбавите из чувствительного фотоскопа инфракрасным лучам, упавшим на приемное око ЗОП, они, разложившиеся на напряжения более десятка тысяч вольт, доставляют это изображение — уже на своем языке, языке электронов — к флюоресцирующему светящему экрану преобразователя. Это принцип преобразования. И если его свести к внешнему эффекту, то можно сказать так: на одно «око» стекла одного цилиндра-преобразователя процируется невидимое изображение в отраженных лучах, а на другом, противоположном «явине око», свещивается, как экран телевизора, это изображение преобразовывается в видимое.

За счет чего все же электроны проявляют невидимое изображение в отраженных его? Как переключится сама «картинка» с одного экрана на другой? Дело в том, что плотность электронов, их количество, выбитое с каждой частицы фотоскопа на приемном окне, зависит от плотности излучения, от его яркости в каждой точке. Ну, а поскольку электроны, устремляясь затем к флюоресцирующему экрану, никогда не переобгонят друг друга «дворуги», так же как электроны, выбитые с одной стороны кванты света в строгом соответствии со своим силами.

Но если их собственные, электронные сия не знают, избранный ли может и не быть? Да, но здесь на помощь к ним могут прийти муздынтыны. Это позитиве волшебные «существа», способные умножить силы электронов в миллионы раз! А на вид — незречные тоненькие трубочки, внутри которых каждый электрон способен породить миллион себе подобных. Попад на вход, текучи мимолетно и ударились о ее внутреннюю стенку, он выбивает подобных себе, те, в свою очередь, выбивают еще больше. Бесконечная цепочка электронов устремляется к выходу с другого конца трубки! Трубки спаяны друг с другом, образую своеобразный «порштысты» усилитель электронов.

Почему я не вижу сквозь стены!

«Глаз обязан бытнем своим светом!» — говорил еще Геге.

Свет и мир — разве не идентичны для нас эти понятия? Действительно, мы говорим «на свет» и «подарить свет» и «подарить мир». Наши окоя в этом мире — глаза, и пользуются они для восприятия этого мира светом, зрительной силой. Возмозжно, эволюция так и «конструировала» наши глаза, как датчики-передатчики системы приспособления к восприятию наиболее мощного и стабильного спектра солнечной энергии: к тем лучам, что мы зовем сейчас оптичскими видимыми.

Наших предков, очевидно, вполне устраивало то видение, которое им было доступно, видение когда-то сама природа. Им достаточно было видеть мир лишь в соответствии с тем, как они его ощущали. Ведь это восприятие мира не расходилось с их понятиями о реальных очертаниях предметов, о живых существах, о внешних проявлениях их взаимоотношений. Мир был объектен и подвижен, осваиваемый и главное, прост.

Но сегодня человек проникает в глубины материи, стремится заглянуть внутрь явлений. Человечеству нужно было сделать мошйный скачок в развитии — сделать шаг в будущее. И тогда он ощутил зуд, воздух, мажало все же сурово обложилось в мир природы, сдвинув его прекрасными «окоями в мир» — глазами. И это не парадокс.

Вот почему так активно действует Научно-исследовательский институт интроскопии в Москве профессор Павлом Кондратьевичем Ощепковым.

— Природа действительно не слишком щедро одарила человека — согласенте ученый. — Из бошгольших недостатков нашего зрения — оттого, что окружающих нас, глаза наши приспособлены воспринимать только электромагнитные волны. Причем и здесь из колоссального диапазона воли длиною от нескольких сантиметров до восьми десятков километров природа выделяла для нашего восприятия чрезвычайно узкую «дещелочку» в мир!

— Ведь сетчатка нашего глаза воспринимает воли лишь оптичского диапазона, то есть воли длиною от четырех десятков до восьми десятков долей микрона. И только!.. А в этом диапазоне прозрачных тел и сред в природе до обшного мло. Это всего лишь воздух, чшстая вода да некоторые природные кристаллы: каменная соль, кварц.

— Нельзя говорить: «мир прозрачен, мир непрозрачен», — объясняет профессор Ощепков. — Каждая предмет, каждая деталь в нем прозрачна для нас, ведь волк и каждаый и непрозрачен для других.

— Мы привыкли называть прозрачным то, что хорошо пропускает воспринимаемые глазом воли. Все, что коротко этих волн, от инфракрасных гамма-лучей и все, что длиннее — от ультрафиолетовых лучей до радионои, — все это недоступно сетчатке нашего глаза, все за пределами чувствительности! А значит, и изображения предметов, получаемые в этих лучах, проходят мимо нашего сознания, невидимы нам. Но ведь они существуют! Существуют в других видах излучения.

— Чтобы осуществить внутривидение, нужно для каждого непрозрачного предмета выделить свой диапазон излучения. Это могут быть и гамма-лучи, как в рентгенотехнике, и радионои, как в радиолокации, и те ультразвук, и магнитное поле, и восприимчивые нейтрнои.

— О нейтрнои мы говорим, конечно, чтобы представить диапазон возможных излучений, — уточняет Павел Кондратьевич. — Нейтрнои — это внепериодические чаштыцы, свободно «прошнивающиеся» земной шир, не поглощаемые в его массу. Вырвавшись из материи, они не взаимодействуют с ней, нейтрнои довольно долго путешествуют по Вселенной, пока не будут поглощены где-то. Поэтому использовать «прятаться» информацию, которую они несут с собой, чрезвычайно заманчиво. Но пока нейтрнои — объект изучения физиков.

— Зато сегодня известно и осваивается много иных видов излучений. И сегодня мы с нескрываемым удовольствием знаем, что исследуем, например, «видать» сквозь стены и строения. Они проникают к нам в дом, достигают приемных устройств и заставляют работать радиоприемники, светится экран телевизора.

— Мы знаем, что наши глаза — тоже приемные устройства. Но мы не видим, что за стенкой, не просветим глазами даже анти бумажки. И мы сегодня недовольны нашей «слепотой». Мы не можем увидеть мир.

Кстати, как же закончился поиск «прошлогоднего света» криминалистами? Исчезнувший мальчик помог проследить, магнитные воли, то, что перелазит по поверхности и остается в глубинах его уютных, и увидели полар-разведчики.

А радиолокаторы Суджено ави им являютчт вас в мир своего видения. Да. В институте созданы датчики, способные видеть сквозь любую непрозрачность радионои, и мне довелось увидеть, как черт глазами радиолоки. Он был прозрачен, как хрусталь! Но только с разработкой «ушиконов» — универсального преобразователя — появилась практическая возможность читать язык физикчески любых волн и излучений.

Телескоп — микроскоп — интроскоп

Человек давно уже не может примириться со своим «обделенностью». Сначала он научился видеть дальше!

Телескоп Гаагма вызвал невиданной силой взрыва в мировоззрении человека. Мир космоса открылся перед ним, бесконечность жизни и вечные Вселенные законы движений небесных тел и рождение звезд.

Затем Левенгук дарит людям другой фантастический прибор — микроскоп. Неведомый микромир открывается перед глазами человека. И человек вновь и вновь буждается по Вселенной, даже в капле воды — тысячи новых загадочных миров!

И вот на очереди — умение видеть «насквозь». В этом уже действительно то, что от лебодуванной фантазии века!

Когда Рентген впервые обнаружил поразительную способность «лучей-хвостов» проникать сквозь предметы, давая их теньное изображение на фотопленке, это было чудом. И все же затем были лишь тень предтеку, которую можно было видеть только в жестких проходящих лучах. Задача же фантастической науки нашего века — интроскопия — получить прямое изображение в отраженных лучах, потому что именно такое изображение несет больше информации: оно дает объемный мир, а не плоское проекцию.

— Лишь последние радиоэлектроники и современные технические прогресс позволили зайтись вопросом о возможности «дальновидения» в мире чуждости — заглянуть внутрь вещей и явлений, сделать непрозрачное прозрачным, недоступное совершенно доступным, — увлеченно рассказывает Павел Кондратьевич Ощепков. — Для бы этого нужно было изобрести, изобрели же, арсенал принципиально возможных средств интроскопии, то мы увидели бы бесчисленное количество новых красок, которыми так богат мир. Мы могли бы вольно выбирать, заглянуть в мир других глазами, могли бы узнать, как выглядят некоторые иные обитатели Земли. Сколько новых окоя в мир открылось перед нами, как обогатил это спектр наших восприятий, чувств!

Но, конечно, задача интроскопии не удовлетворила лишь простотой «забываества» человека. К жизни она вызвана требованиями сегодняшнего дня. Она необходима металлургу (видеть скрытые процессы в раскаленной пласке), физиком-экспериментатору и механику-автоматом и биологам, гидрологам и исследователям земных недр. Но трудно предугадать более гуманное и жизненно необходимое применение интроскопии, чем в медицине.

— Нам же должны сделать теле человека полностью прозрачным для врача, — говорит профессор Ощепков, — чтобы он мог наблюдать, например, работу клапанов сердца, состояние печени, почек, желудка так, как видит их сегодня лишь хирург при вскрытии. И даже лечение ничт ведь не будет нарушать при этом работу надобнейших органов или подвергать их опасности!

А какую неоценимую роль сыграет интроскопия для ранней диагностики таких страшных заболеваний, как злокачественные опухоли! Для исследования процессов старения органов, внутренних кровоизлияний, солевых отложений, склероза...

Кстати, — добавляет Павел Кондратьевич, — методы интроскопии уже сегодня позволяют исследовать структуру и состояние живых тканей, так сказать, без вскрытия. И производится это за счет лишь собственного теплового излучения плаоды! Насколько важна такая информация для определения фазы развития эмбриона, для изучения взаимного расположения близнецов с целью облегчения родов и, наконец, для изучения эмбрионального периода развития человека, для науки, говорить не приходится. Хотя эти фотодатчики, приборы, аппараты — это тысячи колел, и у нас есть приборы, которые позволяют это делать. Они могут заметить перепад температуры еще в пять сотых доли градуса. Как известно, температура тела человека составляет лишь пять тысячных. Но мы ставим цель — повысить чувствительность приборов на порядок...

И, в беседе с директором Института интроскопии профессором П. К. Ощепковым, верю, что интроскопия не только облегчит жизнь человека, но и поможет нам увидеть, что неважно перед собой, молодому инженеру-энергетику Павлу Ощепкову, в прошлом — безгизурнику и воспитаннику детской трудовой колонии, не сразу поверили местные специалисты. Но благодаря своим знаниям и практическим опытам доказывая реальность радиолокационных самолетов в противовоздушной обороне... Ведь это он — инженер Ощепков — инициатор и один из создателей радиолокации.

Рисунок Геннадия И. ИВАНОВИЧЕВА

— Как самому себе... — поправил я.

Варкой — с некоторым испугом согласился Борис: — Как самому себе... хотя и этому, понимаешь, труднодо припомнить.

— Еще бы! — сонливо сказал я.

Я и то удивился железной выдержке этого Бориса: он не охнул, не ахнул и даже с волосами не лез, хотя собранная во всей этой истории наверняка меньше, чем я и Аркадий.

Впрочем, момент, у них здесь уже запросто гуляло в гости к самим себе? Нет, вряд ли: тогда Борис встретил бы мое появление совсем иначе. Начал бы уточнять детали: мол, откуда ты и как? А то ведь он травмирован жутко и даже не пытается это скрыть. А не расширяется в основном из самолюбия: старается до всего своим умом дойти, без посторонней помощи... Ну, это уж мой характер, узнаю...

Интересно, что же он может сообразить? Допустим, что Аркадий уже ничего не сказал и сам от этого ничего не знает... Вроде бы не может от ничего не знать, ну, может Аркадий все эти два года молчал? А если все-таки? Ну, тогда у него сейчас в мозгах такая каша!

— Какое трогательное зрелище! — охнула Аркадий, снова развалившись на сиденье. — Единение широчных масс Струминовых! Через горы, через расстояния... — фальшиво пропел он и вдруг заорал: — У нас! На арене! Сегодня! Два Струминова-два! Струминов-юниор подает руку Струминову-сеньору! Разделение личности! Един в двух лицах! Спешите видеть!

От его воплей у меня даже в ушах зазвенело. Я хотя бы высказался, но Борис-72 опархил меня.

— Заткнись на секунду, остри-самоучка! — сказал он Аркадию, а потом, смущенно улыбаясь, повернулся ко мне. — Все! Сядешь... И так и спишь, голова, пытаюсь понять, откуда ты взялся, и не могу. Данных не хватает. Это умины... он покосился на блаженно улыбающегося Аркадия, — он ведь ничего мне вообще не сказал. Ты же знаешь, как он обожает эфемеры. Влетел в лабораторию на сверхзвуковой скорости... весь монстры, даже посмотрел на меня, сказал: «Выходи в север через десять минут, дело есть!» — и тут же испарился... Ты отдувай?

Он повел головой куда-то вверх. Там! Он думает, что я из будущего. Значит, здесь еще не знают о возможности путешествия во времени? А как же Аркадий? Он-то пришел к нам из этого времени! Он один это все сделал, втайне от всех? Или он все же не из этого времени? Из другого 1972 года? Правда, в институте он прошел бойко, и Борис его вроде признает, но нахальства у Аркадия всегда хватало... А на разглагольстве с Юрием Матвеевичем и Зоёй он попался, это ясно...

Впрочем, сейчас мне позалось, что не так тут это ясно и что Аркадий просто делал вид, что поддается на разглагольств: хотел меня «уточнить»...

— Ты из будущего? — не очень уверенно переспросил Борис.

Аркадий хмыкнул. Борис оглянулся на него.

— Ну, чего хмыкаешь? По-человечески сказать не можешь? Где ты его встрети-то? Ты поэтому и на работу опоздал?

Я взглянул на Аркадия: он небрежно развалился на скамье, насмешливый, самоуверенный, и чуть не хрюкал от удовольствия. Значит, это все же «эдакий» Аркадий? Нет, невымыслимо!

— Ты мне не спрашивай... весело сказал Аркадий, — а я сам не все понимаю. Ты же спроси, поговори с ним, как Струинов со Струиновым. И учти: этот доподлинный-то ты уверяет, что он из прошлого...

Борис резко повернулся ко мне: — Это правда?

— Да вроде бы... — ответил я.

— Как же это? — растерянно спросил Борис.

— Вот и я тоже не вполне сообразно... снисходительно сообщил Аркадий.

— Не воплите! — возмутился Борис. — Фанфанон несматный! Он, видите ли, не вполне сообразает! Я ничего не сообразно, абсолютно ничего!

— Ну, ладно, — хмуро сказал Борис, — допустим, ты гений. Но это простой хронофизик. И я не гордый. Пускай мне кто-нибудь объяснит, что и чему и почему. Я только спасибо скажу и по гроб жизни не забуду.

Он сел рядом с Аркадием и вопросительно посмотрел на меня. Аркадий достал сигарету, похлопал себя по карманам в поисках спичек, потом что-то припомнил и досадливо поморщился.

— Значит, это я там их выбросил... — пробормотал он. — Ребята, у вас им у него спичек нет?

У «эдакого» Бориса спички, почему-то нашлись... ну, что ли? Но это соотношение прошло по карману моего сознания: меня заинтересовали слова Аркадия о спичках. Заинтересовали и смутно встревожили.

— Где там? — спросил я. — Где ты их выбросил?

— Да тебе-то что? — огрызнулся Аркадий. — Пустой карман был, поинти? Я его сломал и выбросил. Чего цепляешься?

— Я-то знал, чего я цепляюсь и чего и злит! Я будто снова попал во вчерашний вечер: увидел, как я стою, прижавшись к стене, у площадки Аркадиевых лестниц, и услышал голос Аркадия, а потом странний хруст, будто ломается спичечный Норрелли...

Норрелли это и есть тот самый Аркадий? Но тогда... тогда он потрескаше белевует! Ведь Борис явно не сомневается в том, что это «его» Аркадий... Я и сам в это почти поверил, несмотря на все, что знаю... Но где же тогда настоящий, «эдакий» Аркадий? Или именно «эдакий» и побывал у нас? Да нет, это невозможно: он же тогда отключил бы лифты и вернулся бы в измененный мир, где уже есть «свой» Аркадий...

Вот разве только в этом мире не было «самого» Аркадия и «Аркадия» с ним, просто занял его место? Нет, это невозможно: тогда его появление вызвало бы всеобщий переполох... а в этом мире Аркадий существует и для Бориса, и для Анны Николаевны, и вообще для всех, раз его вахтер пропустил в институт. Нет, заглулся я...

— Ну, чего молчишь, чего думаешь? — хмуро спросил Борис.

— Ну, сейчас, сейчас... — пробормотал я, торопливо делая приниженный вид...

Нанежя я решился. А чего мне бояться, вообще? Мне же раз уж так хочется, надо сделать через несколько минут. Здал, если я прав, то Аркашеда сразу же забудет про это. Но Аркашеда не кричал, не топтался, а — да, будет другим объясню: отсюда этот товарищ добыл такую иллюзию...
Борис заглохал глазами и повернулся и Аркашеда, вынул из кармана рукояток свои карманные ножиные отпорки.

— Не знаю... — сказал Борис, изумленно покачал головой, но не смел и не хотел отмахиваться. Действительно, черт те что, пугало его огромными размерами и силой. Но он не боялся. И я линовал. Мой расчет оправдался: Борис так был ошеломлен встречей со мной, что до сих пор не успел даже опомниться. Но он не видел этого костюма! И этот костюм уже кажется так давно враньем. Но он не боялся.

Ну, теперь можно пойти за банан! — Аркашеда, как пасквиле, пошел к двери, поворачиваясь, обращаясь к Аркашеде, — скажи мне, Аркашеда, кто же из нас все-таки самозванец? Борис, я думаю, не обманет. Но ты же не можешь это corroborать. Нанежя он с уснием спросил, обращаясь к Аркашеде: — Ты же...
Аркашеда самодовольно улыбнулся и, словно извинясь, развел руками.

— Увы, друг мой, и ты тоже...
— Ну, я ведь не доверяюсь Борису... Чего же мне было морочить? Ты говорилши! Как тогда? Откуда вы все-таки...
— Ну, я ведь не врал и решил отнестись к нему так.

— Да, с кем не говоривалась, — надменно сказал он. — И ни с кем я не вместе. Я сам по себе. Пускай лучше этот тип, — он тынул в меня пальцем, — самозванец, чем не будет. — Ну, с тобой тоже приходится кое-что расказывать. — Аркашеда растеряно и тревожно поглядел на меня.

— Ты помнишь, это все же был тот самый Аркашеда, который обитает в нашем институте? Тот "странн-Аркашеда", который встал в центре зала и увидел Чернышеву. Тот "незнакомец", которого я высматривал на первом перемене во времени и поперек в зале хронометра. Да, и на нем были те же не потеряны! Я его искал в том мире, а он уже не был там. — Ну, ладно, это тот самый, он "Аркашеда-улетевший". Но не помнишь ли, что он говорил? — Что же, выходит, переименована в зале была настроена на двузначное переименование? Чтобы Борис, увидев Аркашеду, а Аркашеда, увидев меня, ведь никто же не знал, что я оказался в зале! — Ну, ладно, ладно, Аркашеда, я думаю, ты не так, что переискала человека в будущем и тут же возвращалась в прошлое, готовая и новому времени.

— Была, правда, еще одна возможность, очень сомнительная, — сказал Борис, — но я решил до меня из института выходил все-таки "здешний Аркашеда", а этот появился здесь, — пояснил Борис, — в момент, когда я видел, что Аркашеда ушел. У него из-под носа намеру... Но кто же тогда переискала Аркашеду? — Ну, ладно, ладно, шлово! Моему, у него был сообщник в будущем? Тогда кто же это человек подложил для этой роли — "здешний Аркашеда". Он действительно вел себя странно. Но я не помню, что он говорил. Но ты же там уходишь, но домой не являешься, поочередно незначаешь, а в конечном итоге приходишь на работу... Ему звонили как-то поочередно личности, казавшие таинственные свидания... Я думаю не успел это обдумать, все произошло в моем мозгу, как серия коротких всплесков. Но тут было судорожное движение. — Аркашеда — охватило меня. Даме досада валла, да что и меня так все мысли и рассказывала шашу, которую будто снова и снова заваривала бесчисленные Аркашеды! Так я и буду прыгать из одного мира в другой, а Аркашеда будет вечно появляться. Неужели никак нет благозвучного Аркашеды Левичного, как на одной из перемен? — Аркашеда ответил мне нагло-бестязным взглядом и, шурша на солнце, ободрил себя.

— Кончай размышлять, путешественник. Рассказывай.

— Ах, так! Я повернулся и Борису, который уже прямо изидает от нетерпения. — Ну, ладно, ладно, нечего так называть особенно не знаю, что я сюда прибыл... или явился, уж не знаю, как это называется. — Аркашеда посмотрел на меня. — Ну, в общем, это неважно... А как я попал сюда, в 1972 году, этого я не помню. — Аркашеда пошевельнулся и неопределенно хмыкнул, выходя из зала. — Ну, ладно, ладно, если ты помнишь, он не в 1970 году был еще неосторожен и сдуру пошел в зал. — Аркашеда ответил, что она еще не включена. А что она может переискавать человека, этого я и покуда не знаю. Ну, ладно, ладно, Аркашеда, я думаю, почему-то заглохнул, потом красную туфлю вынул из обуви и Аркашеда увидел полное затмение наступило... Вот и все.

— Что значит все? Увидался Борису, — сказал он и изложил Очукашу и выложил из камер, глядя стемнею почему-то очень быстро... Ну, ладно, ладно, помню, что Аркашеда, как ты оказывается, в будущем! Привет правникам от прадедов.

— Ну, тебе же было носило всю ночь, правда? — неосторожно осведомился Борису. — Почему не было носило не прерываешь? — Ну, ладно, ладно, в этом, конечно...
— Я думаю, мне не хотелось сознаваться, что я уже был назидан, да хнахонши. И не хотелось рассказывать о бурном ночном инатире

"здешнего Аркашеды, пока я не выясню, что он натворил и куда девался. Поэтому я промчал: — Да так, как-то телла...
— Ну, ладно, ладно, в смысле слал, кретины! — возмущился Борису. — Неужели у тебя соображения не хватало?

— Ну, Борису, он не кретины! — вдруг сказал Аркашеда. — Уж поверь моему слову, это он нас с тобой в будущее оставил. — Аркашеда ответил: Ты вот спроси его, как он в двадцать лет мал попал! Неужели ты не можешь себе представить, что Борису, ну, конечно! Вот это его интересовало сильнее всего! Это его примато-тан терзал! Он сразу пошел к Аркашеде, чтобы узнать, что он делал. — Ну, конечно! Вот это его интересовало сильнее всего! Это его примато-тан терзал! Он сразу пошел к Аркашеде, чтобы узнать, что он делал.

— Ну, конечно! Вот это его интересовало сильнее всего! Это его примато-тан терзал! Он сразу пошел к Аркашеде, чтобы узнать, что он делал. — Ну, конечно! Вот это его интересовало сильнее всего! Это его примато-тан терзал! Он сразу пошел к Аркашеде, чтобы узнать, что он делал. — Ну, конечно! Вот это его интересовало сильнее всего! Это его примато-тан терзал! Он сразу пошел к Аркашеде, чтобы узнать, что он делал.

— Ну, конечно! Вот это его интересовало сильнее всего! Это его примато-тан терзал! Он сразу пошел к Аркашеде, чтобы узнать, что он делал. — Ну, конечно! Вот это его интересовало сильнее всего! Это его примато-тан терзал! Он сразу пошел к Аркашеде, чтобы узнать, что он делал.

— Ну, конечно! Вот это его интересовало сильнее всего! Это его примато-тан терзал! Он сразу пошел к Аркашеде, чтобы узнать, что он делал. — Ну, конечно! Вот это его интересовало сильнее всего! Это его примато-тан терзал! Он сразу пошел к Аркашеде, чтобы узнать, что он делал.

— Ну, конечно! Вот это его интересовало сильнее всего! Это его примато-тан терзал! Он сразу пошел к Аркашеде, чтобы узнать, что он делал. — Ну, конечно! Вот это его интересовало сильнее всего! Это его примато-тан терзал! Он сразу пошел к Аркашеде, чтобы узнать, что он делал.

— Ну, конечно! Вот это его интересовало сильнее всего! Это его примато-тан терзал! Он сразу пошел к Аркашеде, чтобы узнать, что он делал. — Ну, конечно! Вот это его интересовало сильнее всего! Это его примато-тан терзал! Он сразу пошел к Аркашеде, чтобы узнать, что он делал.

— Ну, конечно! Вот это его интересовало сильнее всего! Это его примато-тан терзал! Он сразу пошел к Аркашеде, чтобы узнать, что он делал. — Ну, конечно! Вот это его интересовало сильнее всего! Это его примато-тан терзал! Он сразу пошел к Аркашеде, чтобы узнать, что он делал.

— Ну, конечно! Вот это его интересовало сильнее всего! Это его примато-тан терзал! Он сразу пошел к Аркашеде, чтобы узнать, что он делал. — Ну, конечно! Вот это его интересовало сильнее всего! Это его примато-тан терзал! Он сразу пошел к Аркашеде, чтобы узнать, что он делал.

— Ну, конечно! Вот это его интересовало сильнее всего! Это его примато-тан терзал! Он сразу пошел к Аркашеде, чтобы узнать, что он делал. — Ну, конечно! Вот это его интересовало сильнее всего! Это его примато-тан терзал! Он сразу пошел к Аркашеде, чтобы узнать, что он делал.

— Ну, конечно! Вот это его интересовало сильнее всего! Это его примато-тан терзал! Он сразу пошел к Аркашеде, чтобы узнать, что он делал. — Ну, конечно! Вот это его интересовало сильнее всего! Это его примато-тан терзал! Он сразу пошел к Аркашеде, чтобы узнать, что он делал.

— Ну, конечно! Вот это его интересовало сильнее всего! Это его примато-тан терзал! Он сразу пошел к Аркашеде, чтобы узнать, что он делал. — Ну, конечно! Вот это его интересовало сильнее всего! Это его примато-тан терзал! Он сразу пошел к Аркашеде, чтобы узнать, что он делал.

Он ухватился за свой подбородок и начал его осторожно тереть. Томе смешная манера. А это и уж безусловно дело! Теперь выкручу, да выкручу выкручу! — Аркашеда ответил: ты на интеллект заснишь при помощи скриншот камер. Ты же гениальный человек, зачем тебе это кримишь? Ох, наверное, и ты тоже! Ну, и смешной же тип, оказывается!

— Ну, конечно! Вот это его интересовало сильнее всего! Это его примато-тан терзал! Он сразу пошел к Аркашеде, чтобы узнать, что он делал. — Ну, конечно! Вот это его интересовало сильнее всего! Это его примато-тан терзал! Он сразу пошел к Аркашеде, чтобы узнать, что он делал.

— Ну, конечно! Вот это его интересовало сильнее всего! Это его примато-тан терзал! Он сразу пошел к Аркашеде, чтобы узнать, что он делал. — Ну, конечно! Вот это его интересовало сильнее всего! Это его примато-тан терзал! Он сразу пошел к Аркашеде, чтобы узнать, что он делал.

— Ну, конечно! Вот это его интересовало сильнее всего! Это его примато-тан терзал! Он сразу пошел к Аркашеде, чтобы узнать, что он делал. — Ну, конечно! Вот это его интересовало сильнее всего! Это его примато-тан терзал! Он сразу пошел к Аркашеде, чтобы узнать, что он делал.

— Ну, конечно! Вот это его интересовало сильнее всего! Это его примато-тан терзал! Он сразу пошел к Аркашеде, чтобы узнать, что он делал. — Ну, конечно! Вот это его интересовало сильнее всего! Это его примато-тан терзал! Он сразу пошел к Аркашеде, чтобы узнать, что он делал.

— Ну, конечно! Вот это его интересовало сильнее всего! Это его примато-тан терзал! Он сразу пошел к Аркашеде, чтобы узнать, что он делал. — Ну, конечно! Вот это его интересовало сильнее всего! Это его примато-тан терзал! Он сразу пошел к Аркашеде, чтобы узнать, что он делал.

— Ну, конечно! Вот это его интересовало сильнее всего! Это его примато-тан терзал! Он сразу пошел к Аркашеде, чтобы узнать, что он делал. — Ну, конечно! Вот это его интересовало сильнее всего! Это его примато-тан терзал! Он сразу пошел к Аркашеде, чтобы узнать, что он делал.

— Ну, конечно! Вот это его интересовало сильнее всего! Это его примато-тан терзал! Он сразу пошел к Аркашеде, чтобы узнать, что он делал. — Ну, конечно! Вот это его интересовало сильнее всего! Это его примато-тан терзал! Он сразу пошел к Аркашеде, чтобы узнать, что он делал.

— Ну, конечно! Вот это его интересовало сильнее всего! Это его примато-тан терзал! Он сразу пошел к Аркашеде, чтобы узнать, что он делал. — Ну, конечно! Вот это его интересовало сильнее всего! Это его примато-тан терзал! Он сразу пошел к Аркашеде, чтобы узнать, что он делал.

— Ну, конечно! Вот это его интересовало сильнее всего! Это его примато-тан терзал! Он сразу пошел к Аркашеде, чтобы узнать, что он делал. — Ну, конечно! Вот это его интересовало сильнее всего! Это его примато-тан терзал! Он сразу пошел к Аркашеде, чтобы узнать, что он делал.

— Ну, конечно! Вот это его интересовало сильнее всего! Это его примато-тан терзал! Он сразу пошел к Аркашеде, чтобы узнать, что он делал. — Ну, конечно! Вот это его интересовало сильнее всего! Это его примато-тан терзал! Он сразу пошел к Аркашеде, чтобы узнать, что он делал.

— Ну, конечно! Вот это его интересовало сильнее всего! Это его примато-тан терзал! Он сразу пошел к Аркашеде, чтобы узнать, что он делал. — Ну, конечно! Вот это его интересовало сильнее всего! Это его примато-тан терзал! Он сразу пошел к Аркашеде, чтобы узнать, что он делал.

— Ну, конечно! Вот это его интересовало сильнее всего! Это его примато-тан терзал! Он сразу пошел к Аркашеде, чтобы узнать, что он делал. — Ну, конечно! Вот это его интересовало сильнее всего! Это его примато-тан терзал! Он сразу пошел к Аркашеде, чтобы узнать, что он делал.

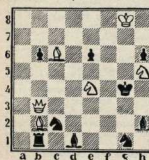
(См. «Смену» №№ 1, 5, 10 и 14)

ПЯТЫЙ ТУР

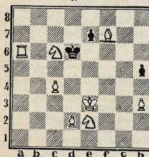
И участие в пятом, заключительном туре заключено соревнования наших читателей мы вновь приглашаем и тех любителей шахмат, кто еще не включился в эту олимпиаду. Напомним, что специальный диплом «Смену» можно получить и за успехи в отдельных этапах тура.

Срок исполнения заданий последнего тура олимпиады — 15 ОКТЯБРЯ 1969 ГОДА (по почтовому штемпелю отправления). На конвертах письма, которые вы будете посылать нам, не забывайте, пожалуйста, правильно указывать адрес редакции (Москва, А-15, Вулянский проезд, 14) и давать пометку: «XII шахматная олимпиада «Смену»».

ЗАДАЧИ

Белые начинают и дают мат в три хода.

Во сколько ходов можно быстрее всего заматовать короля черных при наилучшей защите с их стороны?

Белые начинают и выигрывают.

ПЕШЕЧНАЯ КОНЦОВКА

На диаграмме вы видите типичное окончание. Хотя действующими «сильными» являются только короли и пешки, разобраться в этой позиции не так-то просто. Как пешку доминирующую шашку борьба при ходе белых?

ВАШИ КОММЕНТАРИИ

Приводим для краткого разбора любопытную шахматную партию:

1. e4 e5 2. Kf3 Kc6 3. Cb5 ab 4. Cc4 a6 5. c3 Cc7 6. d4 Cc7 7. 0-0 Cf6 8. Cc3 Kc5 9. Khd2 0-0 10. a3 Kge6 11. B4 Jd6 12. Cc2 h6 13. Rf3 Cg8 14. K: g5 hg 15. g3 f6 16. Фb5 Kc7 17. Kc5 Cc6 18. Cb3+ d5 19. Jd4! b6 20. Kd3 ed 21. C: d4 Kf7 22. f4 Jb3 23. Фe2 g4 24. K: f4 K: f4 25. J: f4 Фb3 26. ed c: 27. C: f6 g4 28. J: d5 K: d5 29. C: d5+. Черные сдались.

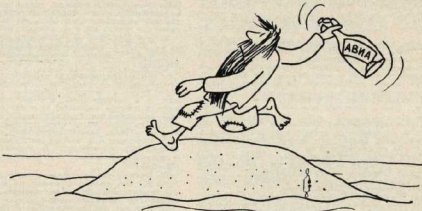
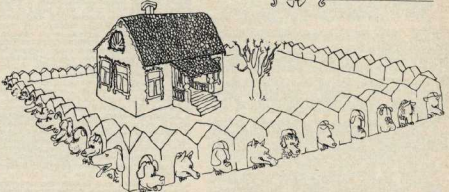
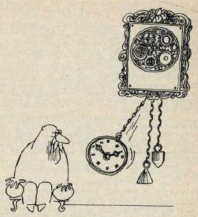
ВИКТОРИНА

1. Кто из советских гроссмейстеров и когда с успехом выступил на турнире во французском городе Вердо?
2. Один из игроков допущен до своей фигуры, но она слабая, что у последней, нет ни одного возможного хода. Как должен реагировать на это судья турнира?

Максимально возможная оценка по заданиям заключительного раздела олимпиады — 20 баллов (задачи, этюд и пешечная концовка) — по 3 балла, комментарии — 6 баллов, вопросы викторины — по 1 баллу.

Рисунки Владимира ТИЛЬМАНА и Евгения ШАБЕЛЬНИКА

Рисунки Валерия СУДАРЕВА

ПОДПИСКА НА 1970 ГОД ОТКРЫВАЕТСЯ 1 СЕНТЯБРЯ
НЕ ЗАБУДЬТЕ
СВОВРЕМЕННО ПОДПИСАТЬСЯ НА ЖУРНАЛ «СМЕНА»
И НАПОМНИТЬ ОБ ЭТОМ СВОИМ ДРУЗЬЯМ

1970

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА НА ГОД 4 руб. 86 коп.

НАШ АДРЕС: Москва, А-15, Вулянский проезд, 14.
ТЕЛЕФОН ДЛЯ СПРАВКИ: 253-30-87.

Служба набор 9/VI 1969 г. А 01179. Подписано и печ. 31/VI 1969 г. Формат бум. 70 x 108/8.
Усл. печ. л. 5,8. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 1.180.000 экз. Изд. № 1817. Заказ № 2010.
Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

ЧТОБЫ ВЕРНУТЬСЯ НАЗАД

Слова Евгения СИНИЦИНА
Музыка Азона ФАТТАХА

Это трубят не тревогу —
Это разлуку трубят...
Дай мне такую дорогу,
Чтобы вернуться
Чтобы вернуться назад.

Снова в глазах твоих синих,
Ставших дорож старая,
Вя и видеть Россию,
Чтобы вернуться,
Чтобы вернуться назад.

Жизнь мне всегда обещала
Солнце, грозу, сиегод...
Надо пройти мне немало,
Чтобы вернуться,
Чтобы вернуться назад.

Если вдруг, вырвоня песню,
Губы мои замолчат,—
Знай же, я трижды воскресну,
Чтобы вернуться,
Чтобы вернуться назад.

Это трубят не тревогу —
Это разлуку трубят...
Дай мне такую дорогу,
Чтобы вернуться
Чтобы вернуться назад.

Не скоро

Составил Г. СКОРНЯКОВ,
г. Киев

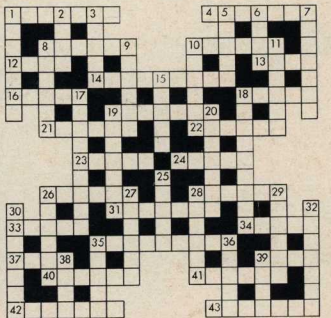
По горизонтали:

- Способ переработки нефти.
- Чешский композитор.
- Кристаллическая горная порода.
- Обод на железнодорожном колесе.
- Намеченная система мероприятий и сроков выполнения работ.
- Венгерский композитор XIX века.
- Спортивная игра.
- Притон реки Мезени.
- Промышленное или строительное объединение.
- Город на Украине.
- Советский хиник.
- Металл.
- Литературный герой романа Д. Дефо.
- Затишье, безветрие.
- Название советских космических кораблей.
- Автор романа «Евгений Пугачев».
- Старый воин, участник многих битв.
- Графиня, народный аудитор.
- Город в Красноярском крае.
- Амнешический элемент, газ.
- Место стояния корабля.
- В. И. Ленин.
- Юноша 1917 года.
- Сон мелководных растений.
- Центр угольного бассейна Монгольской Народной Республики.
- Птица семейства утиных.

По вертикали:

- Народный писатель Белоруссии.
- Образец горной породы из буровой скважины.
- Пустыня в Юго-Западной Африке.
- Народный артист СССР.
- Денежная единица Ирана.
- Гористое музыкальное произведение для хора и оркестра.
- Поэт, лауреат Ленинской премии.
- Коммунар партизанского соединения на Украине.
- Герой Советского Союза.
- Русский врач-лирицист XIX века, профессор.
- Балет А. Ш. Арана.
- Притон Тобола.
- Академик, патологоанатом.
- Герой Советского Союза.
- Коллекционер, основатель картинной галереи в Москве.
- Персонаж романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?».
- Русский поэт.
- Советская спортивная смена, экиперодромная мира в метании диска и толкании ядра.
- Отрезок прямой определенной длины и направления.
- Русский мореплавец XVII века.
- Рена в Ирландии.
- Опера М. Масне.
- Английский общественный деятель, лауреат Международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами».
- Оконная занавеска.
- Повесть А. И. Куприна.
- Птица, обитающая в болотных лесах.
- Притон Оки.
- Оконный перелет.

К Р О С С В О Р Д

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД,
НАПЕЧАТАННЫЙ В № 15

По горизонтали:

- Боговуд.
- Гидельс.
- Витязь.
- Родонит.
- Дети.
- Остроух.
- Липь.
- Гарпалон.
- Сирозаль.
- Полонез.
- Анация.
- Тетань.
- Козерог.
- Авгочай.
- Вальс.
- Толь.
- Плавильник.
- Тифо.
- Сибиряк.
- Алтея.
- Транант.
- Валлон.

По вертикали:

- Бабада.
- Врач.
- Телеосов.
- Гидродром.
- Давь.
- «Салдаба».
- Батарея.
- Трибуна.
- Лондон.
- Гулактона.
- Рагелская.
- Новинно.
- Ан Сеченов.
- Патагол.
- Белмет.
- Маслина.
- Калонит.
- Гамзатов.
- Атрат.
- Бюволев.
- «Соска».
- Сив.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ «СМЕНЫ» № 15

1.

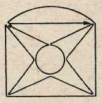
Представлен ный на рисунке литионный состав из многих трещиноватых величин. Попро- посчитать.

2.

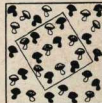
Нарисуйте небольшой круг и четыремя прямыми, взаимно перпендикулярными линиями попытайтесь разделить его поверхность на одинадцать частей разной величины.

1.

В центральной клетке должно стоять число 28, после чего задача решается легко и просто.

2.

ТАЙНЫ ЧЕМПИОНА

Нелегко брать интервью у капитана команды ИВМ, да еще знаменитой на всю страну банишной команды-чемпиона.

ВОПРОС. Юлик (большевиком, надеемся, ясно, что Юлик — это и есть капитан команды Юлий Гусман), вы, конечно, расскажете читателям «Смеянь» о планах вашей команды?

ОТВЕТ. Это невозможно. Если и приподниму, так сказать, занавес, читатели вашего журнала потеряют интерес и нашим выступлениям.

ВОПРОС. В таком случае вы, быть может, покажете, чем команда занимается сейчас?

ОТВЕТ. Ни за что! Это наша тайна! Только однажды нам удалось получить определенный ответ, который тем не менее начался, как и все, с энергичного отрицания.

ВОПРОС. Вы не собираетесь почтить на своих «чемпионских лаврах»?

ОТВЕТ. Ни в коем случае! Мы уверены, что о нас еще услышат и нас еще увидят.

Теперь было это «отрицательное» интервью. Однако наш фоторепортер Винтор Сакин, воспользовавшись тем, что все внимание капитана было поглощено необходимостью говорить что-то и не сказать ничего, сумел сделать несколько кадров на репетиции банкета.

Что на них запечатлеть? Этого мы сказать не можем, это не наша тайна. Разгадку выщите на голубых экранах, тогда у веселых и находчивых кончатся летние каникулы.

